уральское

поэтическое

братство

Сергей Ивкин

Символы счастья

Издательство Вест-Консалтинг
Москва
2015

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

И 254

Ивкин Сергей

И 254 Символы счастья. — М.: «Вест-Консалтинг», 2015 — 144 с.

ISBN 978-5-91865-325-8

Книга стихотворений Сергея Ивкина «Символы счастья» при абсолютной самодостаточности является частью общего проекта, сердцем которого стал короткометражный игровой фильм «Виктория и Харитон» (реж. А.Волкова) по совместному сценарию Алины Волковой и Яниса Грантса. На съёмках, прошедших в Екатеринбурге в сентябре 2014 года, Сергей Ивкин работал художником, а его камео прошло через фильм связующим пунктиром. Таким образом данная книга стала своеобразным артефактом с той стороны экрана, позволяющим шагнуть в иллюзорный мир, раздвинув границы кадра.

© Сергей Ивкин, текст, иллюстрации, 2014
© Алина Волкова, предисловие, 2014
© «Вест-Консалтинг», 2015

ISBN 978-5-91865-325-8

Содержание

Предисловие. *Алина Волкова* 9

I.

«перед пробуждением...» 13
Пепельница из Кисловодска 14
«Покорми голубей...» 15
Ангел (зимний) 16
28 октября 2012 18
Голос в семь утра 19
Упаковка 21
Около декабря 23
Около августа 26

II.

Белые негры 29
Фуга 32
Приснилось море 33
«От секреции снов до секретных желёз...» 35
Створка 36
Жемчуг 38
Вавилон-сутра 39
Ангел (летний) 41
Тому Бомбадилу 43
Стимпанк 45
Плавание 47
«С каких не писали бы вы берегов...» 49

«Для горящего леса
всегда не хватает дыханья...» 50
«потому что пока не утратишь души...» 51

III.

Пермская миссия 53
Баллада о сорвавшихся гастролях 54
«медленный шанс, Петро...» 56
Два возраста 57
Книга дождя 58
Маленькая ночная канонада 60
«перед созданием новой катаны...» 62
Очевидец 63
Праздник 66
Коктебель 67
«Да, я люблю субтильных. Но Рубенс прав...» 69
Сомнение 70
Художник 72

IV.

«три круга вокруг дацана...» 75
«Помните, у Каспара Давида Фридриха...» 76
От неизвестного отправителя 77
Homedreams 79
Хранители 80
Брат 82
Слова дочери 84
Накануне развода 85
Группа реабилитации 86
Два стихотворения 88
«выскребаю отчаянье из волос...» 89

V.

«у меня отваливается лицо...» 91
Березники 92

«Зал курилок в чайной помимо — пуст...» 94
«Вечерний снегопад — итог перезагрузки...» 95
Три письма 96
«Заливается ночью гармоника...» 99
Garota de Ipanema 100
«Юношей жаждал Милен Фармер...» 101
Кроме Аллаха 103

Письма к Анеле (примечания) 105

Люди и ангелы по мере упоминания в книге ..137

Отдельная благодарность 143

福

Предисловие

На моем столе — распечатана Эта Книга, еще не выверенная до конца, еще только в цифровом формате, в потоке писем от Автора, который устал ее придумывать, писать километры комментариев, тут же их удалять, и стирать целыми блоками, и делать многое из того, чего прежде он никогда не делал. Автор — Ивкин Сергей. И прежде чем позволить себе Эту Книгу, он долго-долго её репетировал, писал в блоге, читал, смотрел, слушал и снова писал. Мало того, он её рисовал — объемное должно быть чрезмерным, но визуализация не помогала, массовые читатели хотели не его стихов, а его картинок в виде татуировок, или футболок, или еще бог знает чего. И так продолжалось...

«Настоящие белки скорости
не боятся (в любых условиях)».

Сергей Ивкин начался для меня в трясучем поезде на Москву, в котором он гулял по вагонам и сверял номера купе с тем, что ему было сказано обо мне. Его первыми словами, по-моему, были «Я так себе и представлял!» И его улыбка, и его невмещаемость в маленькое купе, громкий голос и слоновья грация совершенно сбили меня с толку. Он тут же исчез, и я даже не успела понять,

что это было, и на что мне надо реагировать — на его появление или на его внезапный уход?

Пожатие руки…
— *Пока.*
— Пока…
Пересеклись
и разошлись в тумане.
Школярской кляксой кончилась строка…
Мы оба растворились в облаках,
не проявив ни такта, ни вниманья.

И так же внезапно он снова явился в проеме двери, радостный, с книжками в руках. Схватил ручку со стола и стал рисовать прямо в этих книгах, иногда поглядывая на меня. Так делают художники, рисуя с натуры чьё-нибудь лицо. «Моё, что ли, рисует лицо?» — подумала я. Потом Ивкин отвлекал меня от картинки, говорил много, много говорил. Я и сейчас разглядываю этот философский полет фантазии: волны, сёрфингующая белка, маленький парусник в загибе волны. Вот так, наверное, бываешь обескуражен удавом, который съел слона, или барашком в ящике. Вот так брякнулся на меня Ивкин со своим ни-во-что-не-влезающим-талантом, но тогда я еще не представляла себе его масштаб.

> **«…раньше он ел литературу и изо рта у него пахло бумагой и принтером…»** *Андрей Санников в предисловии к книге Сергея Ивкина «Пересечение собачьего парка».*

Чем когда-либо грешил литературный гений Ивкина — судить не берусь. Он сам говорит, что

были времена, когда стихов не писал, а только читал. Сегодня у Ивкина на счету — множество журнальных публикаций, шорт-лист престижного литературного конкурса, выходит третья книга стихов. Но Ивкин на этом не заканчивается, к примеру, у него есть блог о кино, и смотрит он это самое кино так бешено, внимательно и много, что некоторым кинокритикам впору позавидовать! И — да — он умеет удивлять и вовлекать в свой эгрегор не хуже признанных Мастеров. Когда рассматриваешь то, что он рисует для других — узнаешь совсем другого Сергея Ивкина: друга, соратника, читателя, толкователя. Только он в отличие от нас может визуализировать скрытое глубоко. Ест бумагу и пахнет принтером, однако…

«…Твой Дядя Федор. Матроскин и Шарик живы» *Сергей Ивкин из книги «Символы счастья»*

…и так продолжалось. Картинки Ивкина стремились на экран, только мы ещё этого не знали. Литература рано или поздно пересекается с кино. И поэт, рисующий символы счастья, попался мне как раз вовремя. Трудно сказать, что в нашем случае первично — сценарий ли по рассказу поэта Яниса Грантса? Сборник ли стихов, который ты, читатель, держишь в руках, родившийся, как и всё в нашем проекте, вопреки, а не благодаря? Но в результате — то, что могло быть только книгой, вышло частью художественного фильма. А то, что могло стать в фильме общим местом, стало менее банальным и более личным.
И наше синтетическое искусство это всё вынесло и несёт. И так дальше…

А. Волкова

I.

* * *

перед пробуждением
говорила мама
душа возвращается в тело стаей птиц
некоторые запаздывают

потому всегда держи рот
открытым

Пепельница из Кисловодска

...хранитель тлеющих угольков...
Салман Рушди «Дети полуночи»

Детище Империи, Рейха, Рима,
оберег от сглаза, хулы и порчи —
пепельница в памяти сохранила
всю семью от прадеда. Вензель сточен.
В силуэт орла с азиатским клювом,
вглубь, на дно гнезда из чугунных граней,
как в застывшем кадре, летел окурок.
За внимание к вещи ребёнка драли.

Где им, взрослым, понять, что такое символ,
что мне делать, если орёл клекочет...
Я стянул окурок, орлу «Спасибо»
прошептал, удрав из постели ночью.
Фильтр смял, жевал осторожно пепел —
колдовской порошок, что даёт возможность
улететь отсюда туда, где детям
разрешают больше, чем мир киношный.

Голоса пришли. Не совсем стихами.
Но такую речь не проходят в школе.
Я ревел навзрыд, как пророк Мухаммед,
осознавший, что он реально болен.
Я закрыл уста, испугавшись кары.
И с тех пор, как слышу табачный запах,
часто в сочетании с перегаром,
открываю окно и смотрю на Запад.

* * *

— Покорми голубей.
«Голуби не едят
вермишель под соевым соусом,
яблоки из компота».

Каждое утро я выхожу на работу
и спотыкаюсь о самый любимый взгляд:

— Что тебе, сложно? Вывали под кустом.
Если не птичкам, хотя бы собачкам станет.

Каждое утро я обнимаю Таню
и покидаю самый любимый дом.

Я говорю себе: «Нелетающий человек
кормит свой город, а должен
кормить свой голос».

Сытое небо наш утоляет голод,
крошит на землю самый любимый снег.

Ангел (зимний)

живая одежда женское пиво
распродажа любовного зелья
ободранные билборды
перетасованная реклама
рождественские скидки на удачу
позвольте себе настроение

Мой ангел знает многое, но я
живу пока что без его подсказок,
как будто бы он в тёплые края
свалил за стаей крачек над Кавказом;
как будто бы со школы обалдуй,
разбогатевший на сырье ямальском,
ко мне он наезжает раз в году
в родной Е-бург с какой-нибудь Ямайки;
как будто он — блудящий брат-близнец,
которого в семье не поминают,
прописанный в диагнозе скорбец,
которого врачи не понимают.

Пожалуйста, бродячий парадокс,
не проявляйся, не мани похмельем,
я не из тех, кто слаб на передок
и с радостью себя готов похерить
за-ради пары опалённых крыл,
за-ради смерти в траурном флаконе,
за-ради двух счастливых в зюзю рыл,
курящих на незнамо чьём балконе.

Я — человек тоскующий, по мне
предчувствия и ностальгия баще
каштанов, пропекаемых в огне
тобой на пальцах сочинённой басни.
Я объяснял тебе, что не хочу
срываться и летать над пепелищем
накопленных за эти годы чувств,
когда я жил и одевался нищим.

Привычный «ноль» в начале января;
печальный запах мандаринной корки;
всё, что ни сделал в жизни, сделал зря:
скатал снежок, и прокатился с горки,
купил горячих роллов, расщепил
две палочки над парком полосатым,
и с телефона вывесил в сети
ещё один стишок без адресата.

28 октября 2012

Мы пили эль (английский солод)
с поэтом Сашей во дворе,
и поэтическую школу
мы сочинили (даже две).

Как Снорри, мать его, Стурулсон,
у гаражей, в которых ссал,
я список кённингов для русских
до середины написал.

Закусывать нам было нечем,
и Саша от избытка сил
все правила российской речи
на все четыре отпустил.

От Сурикова до Серова,
держась порой за тополя,
мы препарировали Слово
грядущей славы нашей для.

Вот только в памяти потомков
мы не останемся вдвоём
похмельны и душевно-тонки
над идеальным букварём:

поскольку вышло отключиться,
так и замылил город Е
все наши сорок три страницы
в Зелёной роще на скамье.

Голос в семь утра

Андрею Мансветову

И тут мне Чебурашка говорит:
«Серёжа, ты не попадаешь в ритм.
Когда-то эту песню пионеры
придумали, чтоб выходить в ментал
и всем отрядом стать элементар-
ною частицею эСэСэСэРа.

Способность отказаться от себя
тебе не помешала бы. Любя
физическое, душу ты растратишь
на мелочёвку, шавок, а слоны
пройдут степенно мимо: сочтены
все столбики житейской автострады —

необходимы просверки иных
пространств, непознаваемых, чумных,
чтобы испуг клубился над страницей.
А ты всё нежность держишь за рукав,
тебе тревожно, где Господь не прав,
как будто есть права за мёртвой птицей».

Я слушаю внимательно, привстав
на цыпочки у книжной этажерки.
И солнце слепит в три окна весь эркер,
все корешки навылет пролистав.
Игрушка, фантастический зверёк
минуту помолчал и вновь изрёк:

«Я повстречался с Господом, так Он
мне объяснил, где сказка нас обходит.
Гляди, к примеру, Гена в переходе
монеты ловит под аккордеон,
старается, но кто б ни проходил,
не видит, что поющий — крокодил.

Напротив, ты в своём слепом пятне
достраиваешь, что тебе приспичит.
А стоит потерять один кирпичик,
и амба наступает всей стене.
Ты звал меня, и я к тебе пришёл.
И дальше будет только хорошо».

Упаковка

1.

провода для сотовых и ридеров сворачиваем
и убираем в одиночные зимние варежки,
чтобы проводам стало тепло, поскольку они
родственны змеям

2.

запасные симки и карты памяти
завинчиваем в пластиковые футляры для
редких монет, поскольку назначение схоже

3.

поэтические автографы вставляем в рамки
внутри портмоне, рядом с фотографиями
самых близких

4.

запасные носки и плавки упаковываем в
фольгу, чтобы сохранить тепло после глажки

5.

лампочки зашиваем в плюшевых медведей,
потому что только с медведями обращаются
нежно

6.

патроны вкладываем в ячейки школьных
пеналов, потому что патронами, словно
карандашами, пишется история

7.

лобковые волосы любимой женщины
складываю в пустышку выросшего сына и
запечатываю сургучом, поскольку сакрально

8.

скинутую змеиную шкурку (на удачу)
прокладываю между страниц CD-буклета,
чтобы душа вернувшейся в прошлое змеи
грелась в вибрациях музыки

9.

выпавшие из алфавита буквы храним
в пластиковых пакетах, словно улики
преступлений

10.

пуговицы держим в берестяных туесках,
потому что именно береста дольше других
материалов хранит горечь прощания.

Около декабря
(искусство кройки бытия)

шёл до гимназии
шёлковый костюм мертвеца
покупали за треть
великоват в плечах и жилетка
предполагает брюшко́
в целом покрой хорош
распусти галстук
симуляция денди
приведёт к стимуляции таламуса
таланта статуса сексуального опыта
о наполненные онанизмом вечера
объект зависти прыщавых
одноклассников
у него любовница старше на три года

плёлся в институт
ничего спортивного
одевайся на равных с профессорами
при такой богатой духовной жизни
тебе некогда ты никогда
сценарии праздников да дизайн актового зала
чековая книжка зачётов
девственность скрываемая как ВИЧ
список лечебниц в моём телефоне
первая вакцинация
на дощатой сцене
за габардиновыми шторами
среди пенопластовых снежинок

летел к офису
прививая чахлым цветам секонд хенда
дорогую деталь
зажим пряжку подтяжки часы
научился носить очки
первая невеста
(вспомнил по ассоциации с обезьянками
не-видящими-не-слышашими-
-не-говорящими-о-сексе)
любила азиата с той стороны циферблата
вторая
(с глазами диснеевского оленёнка Бемби)
возжелала-мужа-подруги-кошку-подруги-
всё-что-есть-у-подруги
третья
(рассказавшая о стыдной связи между
Осипом Мандельштамом
и Георгием Ивановым)
ждала моего двойника
с дымящимся прошлым
потому в её доме все зеркала из шерсти
четвёртая
(такая-же-как-я-но-другого-пола)
помнила мертвеца
у которого не было шёлкового костюма
пятая
(плачь, Гумберт Гумберт)
припала к лотосным стопам
бога с головой льва
смилуйся, Нрисимха!

эрогенные зоны женщин
не анатомия а география
восприятия
культурология-искусствоведение-
филология-религиоведение-
продолжайтесь бесконечно
НЕКУДА ПРОДЛИТЬСЯ МОЕМУ
ОДИНОКОМУ ЛИНГАМУ!..
культ поклонения Кутулу
осьминогоголовому титану
сосредоточен в мужской тоске:
научите
меня
наслаждаться!

— Пурушонок, —
говорит мне единственная жена:
— лезвие молитвы
раскраивает текстиль иллюзии.
Пошей себе новый костюм.
Когда Мюнхгаузен объявляет войну Англии,
определяй, где будешь делать талию.
Задавай ширину манжеток.
Замени все пуговицы.
С ними уйдёт твой страх.
За разоблачением луковицы
только слёзы
и тающее облако.

Около августа

1.

Спичечные дни:
коробок облаков полон и ни одной сигареты.
Бедный синоптик, деливший лето
между купавами и садоводами.
Кондиционеры в офисах
начинают медленную сарабанду.
Вот и мелодия достигает скорости,
взрываются лампочки.
И продолжают гореть на полу в лужах сиропа.
Осторожное синее пламя.
Даже руки́ не обжечь.

Автомобили чиркают по потолку,
но не зажигаясь.
Дни ломаются.
В августе привезут керосин и сухое горючее.

2.

Лестничный марш Ракоци.
Если сбега́ть вниз, то кро́шатся пломбы;
вверх — закладывает барабанные.
На каждой паузе распахнутое окно.
Нижнее зарешёчено.
Несколько человеческих окурков
вполголоса обсуждают своего генерала.
Я жил на последнем этаже.

Между рамами до весны остывало пиво,
до осени митинговали мухи.
После ухода гостей
я рисовал на кухонном плафоне
ещё один или одного.
За три года — шесть. За семь — девять.
На восьмой я уехал.
Игла патефона дошла до центра пластинки.

3.

Есть только слух и эхо. Слух и эхо.
Когда выходят в сад и семисвечник
над головой истошно подымают,
небесный свод похож на парашют.
Горгиппия, полунощный транзистор,
купи себе другой звукосниматель,
передающий только белый шум.

4.

Коньяк, киндзмараули и айран.
На каждом из гостей следы горенья.
Не заходи в моменты говоренья
по винтовой в проточный ресторан.

Красна ли смерть — прозренье на миру
подобно наркотическому трипу,
где ты боишься собственного хрипа
и подливаешь Смерти хванчкару.

II.

Белые негры

Алексею Сверчкову

Улицей Фрунзе мимо Сбербанка
идёт негритянка
в туфлях из мёда, в брюках из спаржи,
в куртке из пепла.

В школьные годы друг мой Никита
клялся, что станет
взрослым и сразу же женится на
чернокожей.
Ну, позвони я ему и скажи, что
мечта его жизни
шьёт каблучками асфальт возле
Автовокзала.
Трое детей у него от добротной
и рыжеволосой.
Верил бы клятвам Никита — летел
за женою в Египет
лет девятнадцать тому…
Но работа, учёба…

Улицей Фрунзе мимо Сбербанка
идёт негритянка:
шея фламинго, тяжёлые губы…
Дальше — не помню.

В школьные годы инсмаутской расой
стали другие:
смуглые наркобарыги цыганских
посёлков,
их остроглазые дочери в грязных
халатах,
с перебинтованным телом и неразборчивой
речью.
Вот они наши привычные
«белые негры»,
в жёлтых маршрутках передающие
мелочь,
в красных киосках меж банок бодяжного
сока
тщетно скрывавшие щупальца
или клешни.

Улицей Фрунзе мимо Сбербанка
идёт негритянка:
пахнет лимоном, солёною рыбой,
дымом и сексом.

Тут же трубу поднимает неистовый
Диззи Гиллеспи,
Вторит ему богоизбранный
Чарли Bird Паркер,

И разливается нега вокала
Эллы Фитцджеральд,
И добивает все гвозди
Телониус Монк.

Эти в наушниках. Выключу —
у подъезда
наши глазами едят:
никогда не услышишь
длинную добрую песню
вселенской тоски,
чтоб захотелось сказать:
«погоди, я — такой же…»

Улицей Фрунзе мимо Сбербанка
идёт негритянка —
мимо чумазых подделок блистающий
оригинал.

Фуга

Свободная кельтская женщина.
Келья. Кровать.
Дверь отпирать или кровь отворять,
ночь пировать или хлеб воровать —
мясо зубами рвать.

Свободная кельтская женщина.
Банши. Живот
с ней говорит по ночам
(сам по себе живёт,
ей никогда не лжёт,
больно и долго жжёт).

Свободная кельтская женщина.
Ярость. Гнев.
Айсберг спокойствия между плаксивых дев.
Между ягнят отдыхающий сытый лев.
Спящий младенец,
внесённый в случайный хлев.

Свободная кельтская женщина.
Нищеброд.
Выживший выродок, порча холёных пород.
Та, кто стоит на границе обеих природ.
Книжною пылью плотно забитый рот.

Приснилось море

Кислый привкус коньяка и мёда.
Милая моя, скажи: мы где?
То ли это клятая свобода
у пирата в жёлтой бороде,
то ли это сон такой случился,
где нас держат в трюме корабля
и к пиратам я пошёл мальчишкой,
чтобы выйграть время для тебя?

Стойкое похмелье после шторма,
конвоиров людоедский вой,
я пытаюсь возвращаться в норму
в 5 утра в холодной душевой.
И опять оглядываюсь: где ты, —
протянув ладонь сквозь жуткий сон.
Точно то же небо над планетой,
над которой бредил Стивенсон.

Точно так же ржёт полковник Ливси,
точно так же Трелони пуглив,
точно так же Смоллетт матерится
в шаге от спасительной земли.
Вот и остаётся точно так же,
глядя в полыхающий закат,
чтоб не сдохнуть от говна и жажды,
верить одноногому зэка.

«Не боись, девчонку не обидят,
если слово скажет Борода».
Сильвера свои пришьют на Крите —
я успею вынырнуть сюда:
в серый Рай центрального Урала,
в крохотное съёмное жильё,
где ты *никогда* не умирала,
где живём, сокровище моё.

* * *

Т.К.

От секреции снов до секретных желёз
всё, что есть, превращается в дым,
в грязный воздух, пронзённый осколками слёз,
потому что кырдым-гыр-бырдым.

Потому что в ладонях свинцовый горох,
потому что Екатеринбург,
я от собственных лёгких сегодня оглох,
отключив этот грохот вокруг.

Мы на красный шагнём через Главный проспект,
искривлённый внутри янтаря,
отводя от лица западающий снег,
наизнанку себя отворя

на грядущий сквозняк, на внезапный разрыв,
то есть дальше планет и небес,
потому что навыкат, точнее навзрыд,
потому что вообще ни бель мес.

Створка

Одна осталась створка от трюмо,
я отогнул ножом её зажимы
и в дом забрал.
С помойки никогда
с тех самых пор, как разошлись с Еленой,
я ничего не приносил: чуралась
Татьяна опороченных вещей.

Расставил свечи, палочку зажёг,
в ароматическую лампу капнул масла
и приготовился смотреть.

Слова заклятия запоминать не сложно:
«экэлоишь хусана икэмори…»
Достаточно знать первые два-три —
дальнейшее само себя озвучит.

Трюмо стояло в комнате. Постель
не отражалась в створках, но хозяйка
выдавливала что-то на груди
и просто любовалась каждодневно
ахматовской нарядной наготой.

Хозяин же в трюмо не поглядел ни разу.
Широкая спина и крепкие
(слегка кривые)
ноги
достались створке. Больше ничего.

Я не увидел ни детей, ни кошек.
Трюмо лет пятьдесят стояло в доме.
И никогда ни кошек, ни детей.

Погасли свечи. И вот-вот вернуться
должна была Татьяна со спектакля,
как в зеркале встал новый персонаж.

Его лицо я видел на обложке
неполного собранья сочинений.
На годовщину смерти вышел том.

И я непроизвольно выдал «Здравствуй!»
Как можно пожелать здоровья тени?
Он улыбнулся мне и поклонился.

Возможно, заходил он лет пятнадцать
тому назад в наш дом. И по привычке
есенинской — смущённо улыбнулся
красавчику, повесе, двойнику.

Пришла жена, шуршит, снимает блузку,
рассказывает про игру актёров.
И зеркало смиренно повторяет
короткие движения её.

Жемчуг

Без бюстгальтера, без макияжа,
сняв дешёвые медь и латунь,
отражаешься в створках трельяжа,
оголив из-под майки июнь.

Мне с тобой говорить не комфортно,
я пытаюсь пристроить зрачки
на торшер, на обложку «Мир фото»,
на облезлой гардины крючки.

Проваливший аферу подельник
(даже если и наоборот),
я смотрю: совершенно отдельно
от лица раскрывается рот.

Обвинений подкожных припадок,
затяжные обиды в цвету —
и три ракурса острых лопаток
умножают твою правоту.

Я — толстеющий, вечно колючий,
увлечённый бесплатным трудом —
на тебя с наслаждением глючусь,
полыхая ушами при том,

потому что сквозь россыпь иллюзий
проступает, как сквозь трикотаж
на твоём перламутровом пузе,
благодарности высшей мандраж.

Вавилон-сутра

я просыпаюсь
слышу: «сова, сова»
Таня смотрит канадскую кинокартину
наматывая на палец
произносимые там слова
по пути на работу
я проваливаюсь в витрину
.
сон две тысячи десять
еду домой в метро
в вагоне соседи меняют окраску кожи
особенно дети
дама напротив хитро
смотрит в меня и я начинаю тоже
.
у нас во дворе
с гитарой сидит таджик
аватара Роберта Неста Марли
растаманский берет
футболка «Хайле Селассие жив»
из созвездия Гончих Псов
изумрудный карлик
.
сон две тыщи одиннадцать
занимаюсь в постели с женой
две кровеносных системы
слились и бьются
кошка пытается вклиниться
кружится надо мной

превращается в инопланетное блюдце
.
падают шторки
на ощупь открытый кран
вместо воды выпускает цветные нити
...
некорректное выведение информации на
экран
...
счастье случается
.
если выдернуть
.
предохранитель

Ангел (летний)

Then we would cook corn meal porridge
Of which I'll share with you
Bob Marley

Я дал обет молчать двадцать четыре
часа, не спать, шататься посреди
толпы людей, играющих людей
другой эпохи. Это развлеченье
придумал Гилберт Честертон в романе
«Наполеон из Ноттингхилла». Потому,
когда вокруг тебя одни актёры
и все плохие, честно говоря,
сам не играешь, медленно сползая
в кисель отчаянья, в молитву кустаря.

Я знаками показывал охране,
что у меня живой язык отрезан,
но я готов служить, чтоб есть и пить.
И слушал песни пьяных менестрелей,
прислуживал на воинских советах,
был дважды соблазнён, не устоял,
но не издал ни реплики, ни звука.

За мной ходил, присматривая, ангел,
он должен был фиксировать озвучку,
где я сломаюсь и заговорю.
Поэтому когда меня порезал
наперсник венценосного барона
и я лежал, откинувшись в кустах,

крылом коснулся и спросил: «Ну как ты?»
Я взял блокнот и написал: «К врачу».

Так ангел сходит до чужого горя.
Забыв, что он невидим, из деревни
взял мужиков, и на еловых ветках
меня перенесли через ручей.
Он лично постучал в ворота замка,
потребовав постель, огонь и чай.

Мне оставалось двадцать две минуты
до срока исполнения обета,
я взялся помогать на кухне и
смешал в котлах оставшиеся крупы,
и кашу заварил. Хозяин замка
нахваливал. Спросил: «Кто приготовил?»
В глухой гордыне кротко молвил: «Я».

Мой ангел мне отвесил по затылку
и вышел за порог. Так повторился
библейский гэг про чечевичную похлёбку.
О, как смеялись в небе надо мной.
Тогда я помолился Честертону:
«Прости меня».
И Честертон ответил:
«У ангела прощения проси.

Её зовут Семёнова Марина.
Ей двадцать лет. Из Усть-Каменогорска».
И где-то на востоке Казахстана
мой ангел видит всё, что я пишу.

Тому Бомбадилу

— Он — это он, — с улыбкой ответила
Златеника. — Тот, кого ты видишь.
Хозяин леса, реки, холмов.
Дж.Р.Р.Толкин «Братство Кольца»

Хозяин, я не мыслил оскорбить
ни столбовой пластмассовый репейник,
ни насекомых мраморное пенье,
ни ржавую экспрессию рябин,
ни осыпи кирпичной шелухи,
ни вдоль тропы проросшую рассаду
свинцовых ив и пихтовых фасадов,
ни элемента четырёх стихий,
поскольку я не знал, что бадминтон
в твоём лесу слывёт за моветон.

Прикормленному жвачному огню
я предлагал без умысла дурного
различные покровы и обновы,
скрывавшие питательные ню;
я разделял вершки и корешки
по собственному суетному вкусу
и принимаю гневные укусы
тебя сопровождающей мошки,
и я прошу нижайше извинить
за хохот, посылаемый в зенит.

Я помню, на коммерческой реке
положены рулады под гитару,
вклад Менделеева в небьющуюся тару,
гулянья под луной рука в руке,
ломоть посоленный, оставленный в дупле,
купанье голышом тебе вприглядку —
беспечная иллюзия порядка,
восторженный языческий косплей;
но это пошло: клянчить разрешенье
через шаблоны жертвоприношенья.

Хозяин, я пришёл глаза в глаза,
а лучше помолчать (без дискотеки).
Моим друзьям заполнить небо некем,
что о земле могу им рассказать?
Достаточно не оставлять следа,
сырое не валить, собрать сухое?
Что счастье — пребывание в покое,
а воля переменна, как вода?
Что в хвойной бане поймы Чусовой
я сам стою сейчас как часовой.

Стимпанк

Аркадию Застырцу

На световых прерывистых сигналах
выстраивай несбывшуюся связь,
где паровоз очнётся над каналом,
на страусиных сваях возносясь,

где господа в скрипящей коже спешно
ныряют в ихтиандр вороной
и дамы их, богатые усмешкой,
гордятся семилетнею войной.
Эстетика есть двигатель прогресса:
погладишь шестерёнки паука,
и лучший способ вытравленья стресса —
сквозной штурвал ведущая рука.

Когда на шпили лягут дирижабли,
и в просверки линейных облаков
свисает месяц наградною саблей,
покажется, что умирать легко.

Поскольку смерть, опережая жизни,
звенит на вантах, выпускает пар
и в городском свистящем вокализе,
и в запоздавшем вальсе летних пар,
запоминай заезженную кладку
коротких улиц, долгих мостовых,
заранее учись затвором клацать
и мысленно лупи врага под дых.

Четыре дня — и ты ближайшей ходкой
над синим океаном сквозь туман
на цеппелине будешь строить хохот
и поминать шанхайскую маман.

Возможно, друг в машинном отделеньи
тебя картинкой доброй исцелит,
но только Смерть пускает в увольненье.
Люби войны весёлый целлюлит,
держи её голодными клешнями
за бёдра, выпуская тра-та-та,
улиткою ползи по Футзияме,
выплёскивая гордость изо рта.

Всё это вспоминается внезапно
в спортивном баре под футбольный шквал.
Единственная выцветшая запись:
кисть мертвеца, ведущая штурвал.

Плавание

Александру Павлову

от перемены мест
суммируется жажда
всего что не добрал
от перемены мест
        почуяв норд-норд-вест
        в начале чаял каждый
        сховать себе добра
        сыграв запретный квест

но вывернут баул
в нехоженную скатерть
и проглотив протест
сквозь пальцы видишь ты
        медлительных акул
        и белоснежных скатов
        низвергнутых с небес
        в разинутые рты

гонимые тоской
мы вышли за пределы
фантазии отцов
и страха матерей
        сияющий эскорт
        сиятельного тела
        несли ему лицо
        над гривами зверей

по замыслу Творца
и по причине пьянства
забыт державный шаг
открыты двери в клуб
        где выложил в сердцах
        наличку оборванцу
        и слушал не дышал
        рэгтайм фригидных труб

в конце любой тропы
пусть даже будет пристань
охотничий азарт
спекается в понты
        и проще всё забыть
        как будто бы туристом
        ты переплыл свой ад
        и это был не ты

* * *

М.С. в Иерусалим

С каких не писали бы вы берегов —
житейских, летейских,
какой ваши дети не запоминали б язык —
английский, еврейский,
в какой бы стране, саранче, стороне
планеты ли, Стикса
вы не находились бы, милая, нам…
Позвольте проститься.

И пусть отдаёт это всё эмигрантщиной,
Брейгелем, Бродским,
но всё повторяется, милая, раз
повторилось сиротство.
Мы все прорастаем друг в друге
помимо контакта —
мы связаны свыше,
мы общее.
Цельное.
Так-то.

* * *

Елене Баянгуловой

Для горящего леса всегда не хватает дыханья.
Дополнительных лёгких моих
раскрываются крылья стрекозьи.
На окне у Варвары растёт птеродактиль алоэ.
Я черчу в темноте пальцем
версию звёздного неба.

Убеждён: у Судьбы
есть такие колёсики-перевертени.
Пусковой механизм за неделю
затеял светиться.
На игральную кость нанесли пару символов:
лето и осень.
Остальные четыре пусты: одинаково мокро.

По моим позвонкам
пятиногий паук пробегает.
Нагишом на балконе в четыре утра
просыпались. Смеялись.
То есть всё по любви: безоплатно и безответно.
А долги возвращаешь, целуя кого-то другого.

* * *

потому что пока не утратишь души
всё в порядке даже
никаких сквозняков через руки твои и ноги
биографию можно печатать и в Ридерз Дайджест
всё настолько пристойно
что даже не веришь в Бога
потому что пока не засунешь себя по ядра
в сладкий стыд обжигающий
в терпкую похоть земную
то душа не приходит и не ложится рядом
и не веришь в Спасение даже в возможность иную

в эту кошку с тугими ладошками цвета черешни
или в эту собаку с глазами почившего друга
в попугая кричащего что он великий грешник
и душа его обратилась в уголь
а моя обжимается с полтергейстом
из закрытой бутылки лакает астральное пиво
бисер кончается даже у Германа Гессе
переходишь на прочие реактивы

выйти на улицу голым теперь уже мало
нынче при полном параде в сосновый ящик
что там в кудрявой мошонке твоей сжималось?
совесть сопливая или же страх скулящий?
сердцу без разницы jazz или heavy metal
рвёт на крестражи его отдирая накипь
каждая вера тобой проверяемый метод
душу почувствовать расцеловать облапить

III.

Пермская миссия

Рустаму Паймурзину

Господнего служения синоним —
под муторные ливни сентября
отец Роман играет Альбинони
в подсобке кинозала для себя.

Его бросает в жар от каждой фразы,
хотя от мамы с детства помнит сам:
«Адажио» совсем и не Томазо
Джованни Альбинони написал.
Из нотной папки выудив набросок,
профессор, изучавший Ренессанс,
сеньор Джадзотто звёзд архивных россыпь
расправил и вернул на небеса.

Я перед школой захожу погреться
в казённых комнат гулкий лабиринт
и напитать испуганное сердце
бесстрашием невидимой любви.

Пока никто не ходит между кресел,
пока не вспыхнул луч под потолком,
пока мотивы современных песен
не прокисают, словно молоко,
я затаился у железной двери,
подслушивая ветхий соль-минор —
ярчайшее свидетельство о вере,
наглядней и наивней, чем в кино.

Баллада о сорвавшихся гастролях

Пьесы эпохи барокко: электроорган,
виолончель. Кочевая родня цыган,
словно икону, везём по российским снегам
лучший концерт
со времён путешествия Нильса.
Четверо дударей на золотое крыльцо:
Света — продюсер, Маша и Руст — лицо,
я на подхвате: слетать-принести пивцо.
Всё хорошо. Но Святой Николай усомнился.

В графских палатах эхо дрожит, как плющ;
Руст, мимо музыки неразговорчив и пьющ,
клавиш коснувшись, становится всемогущ —
лучший концерт
со времён путешествия Нильса.
Отдемонстрировав оплаченный арсенал,
Маша, смычок бросает в затихший зал,
на пиццикато выводит Адажио на финал…
Всё хорошо. Но Святой Николай усомнился.

Собраны стойки, упакованные в чехлы
микрофоны укладываются, столы
сдвинуты для лобызания и хвалы:
«Лучший концерт
со времён путешествия Нильса».
Света и Руст прощаются у дверей
с организаторами: Лидия и Андрей.
Руст допивает пиво. Свете несу «Эрл Грей».
Всё хорошо. Но Святой Николай усомнился.

Сели — поехали. Кошкой в моё плечо
Маша приткнулась. Мне стыдно и горячо
будто причиной того, что я… «увлечён» —
лучший концерт
со времён путешествия Нильса.
Света и Руст впереди обсуждают блюз.
От перегруза машину ведёт на юз.
Да, я люблю, и смерти не убоюсь.
Всё хорошо. Но Святой Николай усомнился.

На повороте обогнавшая нас «Ока»
часто моргает фарами издалека
в направлении на Соликамск.
Лучший концерт
со времён путешествия Нильса
прямо сейчас мы легко бы сыграли в Раю.
Нет, мы стоим вчетвером на краю
трассы — полметра и ангелы пропоют:
«Всё хорошо!» Но Святой Николай усомнился.

* * *

Андрею Сальникову

медленный шанс, Петро,
золото с плавниками.
выпотрошит нутро,
вставит под рёбра камень.

как ни хвались, кулик,
нужно прожить иначе.
каждой монете лик
чей-нибудь предназначен,

только на Тех весах
мера определится:
к золоту в небесах
лисы возносят лица.

Два возраста

1.

В девять утра включили бесплатный дождь.
Оба Ильи стоят под ним молча, мокнут.
Дёрнулся Саша, но, обернувшись на оклик,
сел на пороге и вытянул вправо ладошь

за территорию. В небе висит пузырь.
До горизонта пахнет водой из крана.
Я попросил разрешения у охраны —
мне протянули стёкла: «Поди, позырь».

Под пузырём, привязанные под грудь
двое из старших чистят скребками купол.
Дождь отключили. Мне подарили лупу.
Я в благодарность попробовал козырнуть.

2.

Мы производим лестницы в небеса,
малые полумесяцы и полнолуны.
Раньше для музыки сфер шёл заказ на струны,
но президент упразднил оркестровые чудеса.

Это расстройство личности — ждать покос.
Мы изначально бессмертны, чего ж нам надо?
Есть эта фабрика по производству Ада.
Воспроизводства Рая стоит совхоз.

Нет, говорят всё те же одно и то ж.
И ни стыда, ни страха перед Всевышним.
Сделать бы так, чтобы все они разом вышли,
скинуть пиджак и подставить лицо под дождь.

Книга дождя

Светлой памяти Евгения Туренко

В предисловие ливня
шагнёшь в натирающих бутсах
и пойдёшь сквозь страницы
шуршащих под ветром кварталов.
Даже в мускулы воздуха
мокрым лицом не уткнуться,
если майское детство
пропахло нагретым металлом.
С тополиных рубашек летят,
словно лацканы, ветви и ветви,
и от пыльной отары
машины прижались к бордюрам.
Задираются майки,
шевелятся деньги в конверте
и незримые черти проносятся по шевелюрам.

Несусветно толпиться
под пластиком на остановке,
ожидая прихода трамвая, как Будды Майтрея.
Небо рухнуло оземь.
Сегодня ты — божья коровка.
Никуда не лети. Всё само получилось хитрее:
новый мир вертикальной воды
и пузырчатой тверди
и тебя исказит, начиная с предчувствия чуда.
Вместо бледной нимфеи
раскроется в левом предсердии
золотая кувшинка — и нихт её вынешь оттуда.

Вот и в книге дождя
пять страниц примечаний озона;
зазевавшись на радугу, не прочитаешь подвоха:
существующих лёгких не хватит для диапазона
атмосферы, звенящей хрустальней,
чем ангельский хохот.
Опоздавшие капли
собрали прощальную нежность,
на бегу (без объятий)
ладошкой к щеке примагнитясь.
На последней странице,
напитанной солнцем, конечно,
сам себе улыбнёшься,
развилки не встретивший витязь.

Маленькая ночная канонада

Светлой памяти Владимира Ланцберга

Я — канонир ночного арьергарда,
встречаю полыхающий рассвет.
Прости меня, Святая Хильдегарда,
твоей музыки в наших нотах нет.
Наследовавший Гвидо де Ареццо
запечатленный ангельский язык,
мне нечем в нижнем мире обогреться
помимо женщин, гнева и лозы.

От каждой скрипки или медной дудки
моё пространство сковывает лёд;
и надо мною замерзают утки,
прервав непреднамеренно полёт.
Рожок английский или плоть гобоя
вторгаются в артиллерийский хор.
Я умираю с музыкой любою,
расплёскивая царственный кагор.

И погружаясь в купленную на ночь,
нет большего стыда — поймать на слух
за стенкою щербатой фортепьяно
и отказаться от дурных услуг.
Пушинкою из города Бингена
до современных пластиковых сот
под колокольный хохот Папагено
меня над миром музыка несёт.

И чем мне жить, когда всех пушек жерла
направлены сегодня в небеса,
поскольку штаб себе наметил в жертву
тот изначальный соблазнённый Сад?
Святая Хильдегарда, мимо денег
когда-нибудь я выйду в нужный чат,
и двадцать шесть мистических видений
на двадцать шесть мотивов зазвучат.

* * *

перед созданием новой катаны
мастер постится три дня
дело не в возрасте просто усталость
не вспоминайте меня

тихого неба и чистого леса
линию гор вдалеке
самых любимых и бережных вместо
спрятаться на потолке

вместо театра и стадиона
парк культуротдыха где
неоперившийся толком утёнок
чешет пешком по воде

просто мне нужен такой промежуток
выпита чаша на треть
сесть на песок и втыкая на уток
личность и память стереть

Очевидец

На Купалу в сумерки над холмом
появляются двое, из ниоткуда.
Те, кто были там, не своим умом
возвращались утром, как после блуда:
кто в засосах синих, как в орденах,
у кого разодрана вся спина.
Выступал чиновник с отарой СМИ
(шуганула полиция любопытных),
обещал развеять досужий миф —
даже жёлтой прессой остались скрыты
результаты выгула на луга.
И погоны с местными ни га-га.

Взяв бинокль и камуфляж надев,
я залёг в осиннике недалече.
За час сорок вызубрил весь рельеф.
Где живут полёвки, мне выдал кречет.
Пару раз барсук подходил ко мне.
Но ничто не дёрнулось на холме.
По рассказам первый (мужик) высок.
Вроде негра, — божился Василий Каин.
Над башкой со спицами колесо
золотые искры вокруг пускает —
под гипнозом сами идёте вы.
А вторая — баба без головы.

За спиною солнце коснулось трав,
и на лысой вершине, где только ветер,

проявились эти. Василий прав:
Майкл Иэр Джордан в закатном свете.
Прям рекламный клип: над его лицом
баскетбольное ворочается кольцо.
Я вцепился в оптику: между плеч
у товарки гладко, а то, что ниже
неприкрыто и выпукло. Слышно речь,
словно в церкви молятся. Дальше вижу:
оба воздух плотный, как будто ткань,
раздвигают в стороны. Я — тикать.

Не прополз и метра, из-за осин,
вышли люди. И с ними Василий Каин.
Закрутили руки мне и внесли
в безвоздушный лаз. Он внутри зеркален.
Отовсюду слышатся визг и лязг.
Тут земля и небо пустились в пляс.
Баскетбольный мяч ощущает так
пот ладоней, площадки солёный гравий.
Я два раза отскакивал от щита,
извивался, выл, в нарушенье правил.
Попадал в лицо, не понять кому,
бесконечно долго летел во тьму.

Разлепил глаза: санитарка, гипс.
Приходили в штатском, вели беседу.
Отвечал: не помню. Как не погиб-с,
объяснить не в силах. Брехал соседу,
что набрёл в потёмках, мол, сам дундук.
Поскользнулся — вывих обеих рук.
Я сегодня снова иду к холму.
По периметру выставлены капканы.

Я остался в разуме: никому
не свезло так прежде. Василий Каин
дурачка включает, пока молчу,
но при встрече хлопает по плечу.

Праздник

На языке добрян называлось *бесчестием*, потому
генерация вымерла. На языке родони,
если калькировать, — *радость глядеть во тьму.*
Эдгар бы Аллан По отшутился: *во клюв вороне.*

Нежные жёны внезапно сходили с ума,
требуя столпотворения и банкета.
Душною ночью ты всё рассказала сама:
это привычка праздника в центре лета.

В гомон русалий не допускали мужчин;
тех, кто подглядывал, чаще всего топили.
Женщины все исчезали; не выясняя причин,
мужия находили счастие в музыке или в пиве.

Я тебя слушаю, выключив верхний свет;
собраны вещи, утром тебе на поезд.
Завтра одна из вас поцелует Смерть
на берегу реки в камышах по пояс.

Коктебель

Ты получаешь bonus:
судьба с начала.
Ты собираешь вещи и едешь
— ту-ту! —
до моря.
Смотришь на крупных
— размером в собаку —
чаек
и понимаешь, что ты не вернёшься
домой, и…

больше уже никогда
никуда
не
захочешь.
Снова депрессия:
поиски смысла и вкуса…
Дети на пляже зароют тебя в песочек.
Видишь,
летит самолётик, похожий
на Иисуса.

Не получается…
Лезут кошмары —
память.
То, что ты делаешь,
ты объяснить не способен.
Ты говоришь
о себе,

о себе,
о себе,
словно спамер.
Тоже шедевр нашёлся с
аукциона Sotheby.

Ты получаешь…
Розыгрыш лотереи
может стать розыгрышем…
Но кто-то
держит тебя,
даже верит в тебя,
болеет
лишь за тебя.
Слышишь
тихий свистящий шёпот?

* * *

...а воды всё время по колено.
Станислав Ливинский

Да, я люблю субтильных. Но Рубенс прав —
приоритет у гармонии. Вот, гляди:
Ирк раздвигает стебли прибрежных трав,
следом в песок погружает ступни Надин.
Шаткая лесенка. Будка «Электродепо».
Душною ночью любая прохлада — Крым.
Пусть по колено, не глубже — смываешь пот
и возвращаешься в дымке из мошкары.

Только той ночью крылатых увёл шашлык
вверх по теченью, танцы под Ace Of Base;
и мы втроём очень медленно в плеск вошли
и обсыхали долго одежды без.
Фавна и Флора в стразах речной луны
на диадеме Визовского пруда
так и запомнились *символом счастья*. И
так и останутся. Видимо, навсегда.

Сомнение

Для женщины с кошачьей головой
для свадьбы не подходит деловой,
упрямый парень с головой барбоса
(ей нужен спутник, но не нужно босса).
А он вокруг красуется: гляди,
какие цацки на моей груди,
как талия тонка, и хвост закручен.
Она глядит в него, мрачнее тучи.

Для женщины, привыкшей нападать,
неинтересна мёртвая еда,
не нужен распорядок для прогулок.
Она способна нежиться одна
на лотосе, плывущем по волнам,
черпая лапой ласковых акулок.

А то, что он приходит по ночам,
чтоб разбудить её своим чав-чав,
не добавляет чувствам керосина
(Залезь под ливень, чтоб не пахнуть псиной).
Для женщины, которой не грозят
ни смерть, ни страх, ни равнодушный взгляд,
любые звероморды мужчины
на вкус и запах малоотличимы.

Какого божества ему далась?
Он ей не может насладиться всласть:
всё мечется, то нужен тем, то этим.
Лизнёт между лопаток по спине,

и вон уже маячит на стене,
держась зубами за попутный ветер.

Она с утра, подмышки оголив,
сияющий примеривает лиф,
протягиваясь всеми позвонками
(и небосвод крошится, словно камень).
А он созвал на шумный ритуал
народ озёр и населенье скал,
и вот уже костры горят в долине,
и звёзды раскрывают хвост павлиний…

Художник

Две тысячи тринадцать, сентября
десятое, пятнадцать : сорок девять…
Я вижу за компьютером себя,
но со спины. В ограниченьях Тени
прописано: *не позволять уви-
деть вас объекту наблюдений, дабы
последствия унынья и любви
не исказились в поступивших данных.*

И я себя не видел, но ковёр
примялся там, где я стоял, но лампа
зажглась сама собой, и от неё
пал силуэт на монитор и на пол.
Какое-то мгновение — и вот
разорвана иллюзия, и в прежнем
тот самый я, пока ещё живой,
механики небесной слышу скрежет…

С того момента, как замкнул петлю,
я лучше понимаю сам себя, но
мне проще было думать, что я сплю:
так можно любоваться обезьяной,
не поминая Дарвина. Мне жаль,
и он не прав, и прочие светила.
Чтоб заглянуть за облачную шаль,
пяти цивилизаций не хватило.

Всего лишь слабость… Рудимент тоски.
Сентиментальность — что-то вроде трещин.

Я наблюдал рисуемый эскиз
впоследствии недоведённой вещи:
в ней не хватало жителя среди
закрученных в спирали коридоров,
    в которых я, вернувшись, наследил,
    и в наказанье нахожусь в которых.

IV.

* * *

Ратмиру Каренину

три круга вокруг дацана

снежный лев
колючий кустарник
покосившийся забор
лужа
дерево с пёстрыми лентами
молитвенные барабаны
двери в храм
с колесом и двумя ланями

и снова

я знаю что мы вошли внутрь
и с нами разделили йогурт
знаю

но в памяти
четвёртый пятый шестой круг

* * *

Помните, у Каспара Давида
Фридриха есть два пейзажных вида:

вскинутые щупальца корней
дерева, свисающего в пропасть,
горизонт изломанный и опись
тщательно разложенных камней?

Но в первоначальном два подростка
на закате созерцают роскошь
солнца, уходящего за край.
А в позднейшем некий бюргер с фрау
то же солнце наблюдают справа
и вдвоём считают «Ein, zwei, drei…»

В остальном различий больше нет.
Горная тропа не изменилась:
нам природа проливает милость
возвращенья в тот же самый свет.

Эта чайка — точно та же птица.
Так и нам вся наша жизнь простится.

От неизвестного отправителя

Мама, с полётом на Марс меня опустили.
Это кидалово, чтобы нагреть сниматься
в пошлом реалити-шоу: мальчишник в стиле
тех, что ты смотришь, с пометкою «+18».

Пятое поколение мечтающих жить в столице
разродилось шестым, сугубо периферийным.
После того, как я побывал в полиции,
ничего о государстве не говори мне.
Я всё решил: поселился в пустой деревне.
Поздно реветь: и Лавкрафта смотрел, и Кинга.
Есть тут ревень, чтоб варить из него варенье,
а интернет-зависимость сняли книги.

Так что бегущие из Салехарда зэки
или таджики, сношающие мозги нам,
не заподозрят о проживающем человеке,
каждое утро встающем под звуки гимна.
Бреющем голову — в зеркале видеть числа:
нам на висках под андроидов выжигали.
Обнаружившем смысл —
там, где не ждали смысла.
После смерти придумавшем жить в Вальхалле.

Эта бумага подкинута почтальону,
так что, когда ты письмо получишь,
я залатаю внешнюю оборону,
после чего мне станет намного лучше.

Так и запомни меня: конопатым и тощим.
Просьбы вернуться обратно всегда фальшивы.
В нынешнем мире исчезнуть гораздо проще.
Твой Дядя Фёдор. Матроскин и Шарик живы.

Homedreams

Павлу Ложкину

камера недвижима. общий вид.
насыпь. насаждения. ров. кустарник.
непонятный столб, словно гриф гитарный,
проводами собственными обвит.
крупный план. огромный моргнувший глаз.
горизонт поехал. щебёнка. зелень.
вновь и вновь во сне я снимаю Землю,
на которую больше никто из нас…

наяву я помню, в который файл
сохранил Россию, Европу, Штаты…
я во сне снимаю наш первый «Шаттл»
и какую-то комнату: шкаф, софа,
за окном красивый в полнеба гриб…
и стоит подросток, раскинув руки:
«Здравствуй, взрыв!»

ору, но исчезли звуки…
просыпаюсь, выключив этот клип.

на Венере жарко. должно быть, Марс
принял нас радушней бы, если-кабы…
здесь хотя бы в пищу пригодны жабы
и в зиготах бродит отличный квас.
звёзд не видно. облачно. иногда
появляются радуга или эллипс.
винтовые черви идут на нерест,
и тогда по крышам стучит вода.

Хранители

Дочка разложит игрушки в круг
и начинает считать с лисы:
...Рыжая знает, зелёный — друг,
...чёрный и белый, они — весы,
...жёлтый и синий ворчат опять,
...их пересадим подальше от
...красных, которые крепко спят,
...спрятавшись к серой в большой живот.

Доктор сказал, что такой язык
слышит не в первый раз, потому
повода нет беспокоиться. Сын
доктора даже учил ему.
Я попытался заговорить,
то есть вступить в игру на правах
равного, не попадая в ритм,
но соблюдая табу в словах:
.....Старый большой любит жёлтый хвост.
.....Как бы смеяться, но смеха нет.
.....Синяя грива задаст вопрос.
.....Взрослая сможет найти ответ.

Дочка глядит на меня светло
и, прижимая к себе кота,
шепчет за ухом ему: *...Пришло*
...время, теперь ты расскажешь там.
Плюшевый кот, словно мы в кино,
на задних лапах идёт ко мне.

Морда всё ближе. Вокруг — темно.
Дочка глядит. Не сбежать при ней.

Кот утыкается мне в рукав
и произносит, слегка рыча:
.....СтаРРый Большой испугаться пРРав.
.....Маленький ЧёРРный хРРанить сейчас.
.....СтРРашный пРРозРРачный повеРРх двеРРей.
.....ВзРРослую тРРонуть пРРи нас неРРзя.
Девять тряпичных цветных зверей —
личная гвардия и друзья.

Брат

— Папа, пожалуйста, никому.
Обойдёмся без мамы с её истерией.
Так получилось: я — новая Дева Мария.
Бог изнутри говорит: я — сестра Ему.

Дочери скоро тринадцать.
Месячные — на старт.
Но такие фантазии череповаты:
надписи на арамейском кровью,
потом стигматы,
прочий эзотерический боди-арт.

— Я была на рентгене. Доктор сказал: скелет
не сформирован. Брат не способен родиться.
Я слышу голос, похожий на щебет птицы.
Клеть не решится сама распахнуться на свет.

Опухоль прогрессирует. Приложив
к телу ладонь, ощущаю толчки: живое.
Значит, сегодня детей у меня стало двое.
Да, никому. Попробуй тут, расскажи.

— Брат обещает, что может вселиться в мозг
чей-нибудь, выселив прежний разум.
Мы попытались с улитками пару раз, и
нам удалось через плоть перекинуть мост.

Всё замечательно: ищем лежащий под
капельницей неповреждённый носитель

в коме. Приводим дочку —
и новый Спаситель
в суетный мир получает свободный вход.

— Папа, тебя он прекрасно слышит.
Нет, всё не так.
Брат говорит, что ему нужен родственный статус.
В твой организм он вселяется через простату...
Но мне не нравится способ замкнуть контакт.

Дочку зачали во вторник,
когда посреди Москвы
ядерный гриб раскрылся над телебашней,
и нам с женою было настолько страшно,
что мы на улице прямо среди травы…

— Доктор сказал: эмбрион пережил инсайт
и провалился на поколение.
Только останься со мной
в хирургическом отделении.
После вмешательства есть вариант не встать.

Кварцевый свет.
Мокрый запах больничных рвот.
Возле ногтей на руках нарывают ранки.
Дочка уснула.
В пятилитровой банке
невоплощённый христос открывает рот.

Слова дочери

— Папа, в костюме космического ковбоя
ты развлекал моих одноклассниц
в начальной школе.
Пора уже двигаться дальше.
Я нахожусь с тобою,
пока наша бабушка на гастролях.
Ты защищал меня от межпланетной слизи,
от чёрных корсаров и мировых катаклизмов.
То, что тобой нарекается
«творческий кризис»,
остаётся периодическим алкоголизмом.
Ты — самый лучший папа в подлунном мире,
просто мне нужно вырваться,
чтобы созреть и сбыться.
У тебя останутся твои террористки из Сирии,
шантажисты, стриптизёрши и самоубийцы.
Эти твои персонажи на книжных полках
думают только о брюликах или сексе.
Я не смогу среди них оставаться долго.

— Я тебя тоже очень люблю, Алексис.

Накануне развода

Она:

Потрясный день рождения: друзья
расписывают дартс. Кривые иглы
на дротиках. И разогнать нельзя
к вервольфам разом всех. Четыре книги,
четыре диска, что-то из шмотья
и побрякушек. Ни цветов, ни мишек.
И на ночь — не дописана статья.
Из них никто в подарок не допишет.
Вот выбивает яблочко мой муж,
протягивает дротики: сейчас ты.
Как будто пройгрыш объяснит ему
причину несложившегося счастья.

Он:

Мишель, мой колокольчик, где найду
слова, что увлекут тебя со мною
делить постель, погоду и еду,
делясь в ответ сарказмом и страною.
Но сколько раз я не произнеси
«Люблю тебя, люблю тебя, люблю те…»,
не станет горше этот апельсин,
который принесли чужие люди.
Ты мне нужна, нужна, нужна, нужна.
Взошли твои любимые Плеяды.
Мишель, мой колокольчик, не жена,
хотя бы поминай меня без яда.

Группа реабилитации

Кресла в кружок. Подлокотники удалены.
Возле каждого ставят контейнеры для слюны.
Окна и двери задрапированы в тон стены.
В утренней группе хронический недобор.
Доктор включает увлажняющий воздух прибор.
Передо мной картина.
Шишкин. «Сосновый бор».

Мы собираемся вместе, чтобы учиться не
отличаться от тех,
которые без диагнозов. По цене
очень понравилась бывшей моей жене
доктор Лекомцева Екатерина Василь-
евна. Про неё у Яндекса расспросил:
тама такие истории, валиум упаси…
То есть она видит наших
(невидимых как бы) друзей,
в социальной сети её имя Король ферзей,
у неё открываются жабры,
когда она входит в бассейн,
бывшая пыталась с ней переспать.
Доктор сказала, что кризис пошёл на спад,
так я стал блоггером и приобрёл iPad.

По расписанию Катавасия учит нас пятерых
не проходить сквозь стены
в несуществующие миры,
не оживлять человечков из веточек и коры,
не разговаривать с телевизором, не просить

покинуть планету, сорвавшуюся с оси,
не отвечать на «здравствуйте» — «отсоси».
Венечка видит Земфиру Талгатовну, Алексей
коллекционирует фосфоресцирующих лосей,
с Петропавлами беседует Одиссей.
Я — самый тихий, я просто настроил связь
с каждым читающим блог мой и, не кичась,
я проникаю в их подсознание, как сейчас…

Два стихотворения

Вадиму Балабану

1.

что вы киваете я вам сейчас как врагу
а не какой-нибудь финтифлюшке
с дамской подмышки — до полицейской наружки
всю подноготную выложить сходу могу
чахлых берёз выгибаемых ветром в дугу
долгих эскортов увядших в таёжных болотах
поле чудес край непуганых идиотов
строй крепостных выжидающих на берегу
в дни наших детств поминали пластинку но здесь
не по спирали регрессия а по фракталам
вот где свобода напёрсточникам и каталам
красною плесенью по всем заборам расцвесть
смысла всего два у жизни *надежда и месть*
всё остальное депрессия и паранойя
что вы киваете вам обещали иное
честь говорите попробуем это учесть

2.

Практика ангела: в чей-то усталый быт
втиснуться критикой и прищуром.
Поезд проходит Киров. Сосед храпит.
Утром глаза продираешь — за окнами Муром.
Все города похожи: Кунгур-Курган.
В каждом буфете дымящийся кофе с корицей.
Камень заброшен. И вот ты идёшь по кругам,
вниз отражаясь то рыбой,
то белкой,
то птицей….

* * *

...всматриваясь в Бардо Тхёдол
Вадим Балабан

выскребаю отчаянье из волос
словно грязь или мелкие камни

побежала по стенам изморозь
ногти стали зеркальны

над кастрюлей бельё выгибали в жгут
эти белые слёзы помню

словно тысячи язвочек кожу жгут
никого не позвать на помощь

через мутные стёкла аэропорта
плавниками бью рыбкой гуппи

словно в ужасах нет никакого рта
то есть нагладко смыло губы

это если бы сам по себе квадрат
искривиться пытался в шар бы

если только жабры себе продрать
чем угодно хотя бы жабры

V.

* * *

Андрею Санникову

у меня отваливается лицо
поднимаю затылок
лицо остаётся в ладонях
испещрённое с изнанки
цифрами и чёрточками
словно на закладной

пожалуйста
только не нитками
пусть это будет синяя
китайская изолента
или офиснокрысячий скотч
шпагат и скотч
очень по-мужски

Березники

Этот город — бумажный пакет,
подтекающий понизу, — нет
ни желания здесь находиться,
ни возможности хлопнуть дверьми.
Точно спёр ты здесь нечто. Верни!
Так за что ж я хотел извиниться?

Что приехал за чудом, а тут
омерзительный привкус во рту,
точно вся атмосфера прокисла:
Алексей Леонидович Ре-
шетов жил в этом самом дворе —
никакого сакрального смысла.

Я пью сагу с ближайшей руки
о проколотом лоне реки,
древний пласт размывающей в кашу,
наблюдаю с радушием псов
старожилов песочных часов.
Это ужас. И нет его краше.

Я в глазницы смотрю пустоте,
той, что кошкой сквозь трещины стен
тонко воет пятью этажами;
тополя, набежавши окрест,
выражать собирались протест,
да ладони от страха разжали.

Я беру из трясущихся рук
бандероли поэзии — вдруг
их придётся к печати пристроить;
и, конечно же, я не прочту
пенсионную чью-то мечту,
карнавал комсомольских героев.

Друг мой, брат мой, учитель, на кой
мы явились в приёмный покой?
Чтоб позировать с мэром в обнимку?
Чтобы в хроники Пермской земли
и фамилии наши внесли,
ну хотя бы как подписи к снимкам?

Не за тройку бюджетных нулей,
не за выпивку на столе,
не за нежность к гостиничным кралям,
я стою среди гордой беды
с сердцем, полным холодной воды, —
со Священным Граалем.

* * *

Александру Белянину

Зал курилок в чайной помимо — пуст.
Американо с бонусом на десерт.
Наполовину — Поллок, частично — Пруст.
В целом — ирония плюс концепт.

Человек хороший, почти Ильязд,
приравнявший принтер и карандаш.
Пиросмани мог бы пуститься в пляс,
я пытаюсь выгадать баш на баш.

Ни цыган, ни водки, ни поэтесс.
Два семейных, офисных, без «лопат».
Ренессанс начнётся — на интерес.
И загнётся классикой невпопад:

появились дети, живётся жизнь,
зубы — главный гаджет, друзья — оплот.
Но всегда есть тот, кто стоит во ржи,
и другие держатся в шаге от.

* * *

Ивану Клиновому

Вечерний снегопад — итог перезагрузки:
осуществлённый мир закрыли на ремонт,
поскольку вслух читать свои стихи
на русском —
фактически вносить поправки в связь времён.

Как на морозе сталь, приспичило потрогать
механику небес горячим языком:
хотя бы через речь — я не решаюсь Бога —
но притянуть того, кто лично с Ним знаком.

Я только притворюсь, что тих и неподвижен,
пока не заскрипит знакомая кирза…
Я веки подниму, и то, что я увижу,
не даст их опустить и сохранить глаза.

Три письма

Из 70 в 16:

Я помню мир твоих простых предметов.
Цветные деревянные игрушки.
Дом из подушек. Кофр от баяна.
Мы жили по закону Архимеда,
который сформулировать по-русски
у нас не получалось постоянно,

поскольку ничего не вытеснялось,
в том доме для всего хватало места,
соседи за стеной крутили диски,
мы вешали на гвозди одеяло
и тени танцевали буги вместо
их голосов, поющих по-английски.

Я погружаюсь в память, словно в ванну,
и прикрепив к вискам нейро-диоды,
записываю медоносный гул.
Я помню чашку каждую в серванте,
«щавель» из городского огорода
приправой к баклажанному рагу.

О как привычно пробегают пальцы
вдоль корешков родительского шкафа:
Джек Лондон, Честертон, Эмиль Золя.
Ещё не нарастил на сердце панцирь.
Ещё костяшки не содрал о кафель.
Сплошные солнце, ветер, тополя.

Из 33 в 16:

Возможно, ты сейчас сидишь на стуле.
В пустой квартире. На твоей кровати
спит женщина. Ей восемнадцать лет.
Ты ничего не знаешь о Катулле,
но этих первых отношений хватит
на весь дальнейший твой парад-алле.

Ну а пока ты в мартовском угаре
пытаешься романсы петь дискантом,
текстовку под аккорды раздробя.
Ты ей назавтра инструмент подаришь,
и никогда не станешь музыкантом,
и это будет вечно жечь тебя.

Впоследствии, совсем других кольцуя,
ты не насытишь крошечное эго,
своё лицо вжимая в свитера,
и не забудешь, как она танцует
под медленно вращающимся снегом
в ночной рубашке в шесть часов утра.

Из 16 всем:

Когда мне разонравится мотаться
меж поселений с рюкзаком спортивным,
на ссадины растрачивая йод,
надеюсь, среди сотен имитаций
найдётся и моя альтернатива,
где по-другому всё произойдёт.

Пускай я стану продавать кассеты,
работать по подложным документам,
скрываться от какой-нибудь братвы.
Зато там будут мостик над Исетью,
на небе красный лепесток кометы,
у Оперного каменные львы.

* * *

Заливается ночью гармоника
на ступеньках у Оперного.
Две минуты осталось до вторника,
а из зрителей: мы да оперы.

Гармонисту Исеть по мениски — он
нам поёт про красавицу:
он летает не то чтобы низко, но
мостовой не касается.

Ночь-полночь, что ему расписание:
у него на часах — полнолуние,
а красавицу зовут Александрою,
и он любит её до безумия.

Одиноким прохожим на байку и
операм в «коробке́» на потеху он,
как на сцене — на сложенном байковом
поминает то Толстого, то Чехова.

А нам видятся Райские Кущи и
стол, накрытый на гостей, —
не приврать никак! —

и проходим мы все вместе в Надсущее
мимо рвущего гармошку Привратника.

Garota de Ipanema

В мёрзлой маршрутке
на волнах шансоновой шелухи
слышу: Анто́ниу Ка́рлос Жоби́м
прогревает салон —
«Девушка из Ипане́мы»
(Виниси́уш де Мора́иш — стихи).
Лишь начинается музыка,
сразу становится весело и светло.

Песенку эту с утра, наводя марафет,
перевирала желанная дочь болгар:
«Знойная девушка цокает мимо кафе,
два музыканта глядят на её загар».

Так ничего не сложилось, Снежана,
в том тысяча девятьсот
девяносто четвёртом у двух несмышлёных котят.
Только осталось, что музыка — мёдом из сот,
всё исцеляющий и примиряющий яд.

В глянце раздаточном как-то нашёл статью
про Элои́зу Пине́йру, входящую ровно в час
за сигаретами в сумрак, где мате пьют
два трепача, сочинивших бразильский джаз.

В мёрзлой маршрутке, рассекающей Уралмаш,
я попросил, Снежана,
у ангелов — сложно ль им? —
чтобы в Болгарии ты по утрам на пляж
цокала мимо кафе, где звучит Жобим.

* * *

Юношей жаждал Милен Фармер.
Взрослым запал на Бьёрк.
Становление, смена приоритета.
Но в детстве была у меня фрёкен Снорк,
с растрепавшейся чёлкою фрёкен Снорк,
непохожая на иллюстрации
из «Муми-тролль и комета».
Фрёкен Снорк танцевала в венке из роз,
в ослепительный мусор одета.
Это именно ей я браслет из фольги преподнёс,
плёл прекрасную чушь, околесицу верную вёз,
и на фрёкен смотрел
через стёкла известного цвета.
У Туве Янссон, конечно же, всё не так:
описано чьё-то чужое неправдоподобное лето,
в книге я не таскаюсь за фрёкен,
как будто я — кончик хвоста.
А я хвастался тем, что для фрёкен я —
кончик хвоста,
и был этому рад, больше,
чем леденцам и конфетам.
И я помню её накладные ресницы,
дешёвый парик,
в лакированных дверцах серванта
мелькавшие пируэты.
И так чисто не пел ни один
её звёздный двойник
здесь, на фоне поленницы
и политических книг,

все ведущие партии
Флорий, Брунгильд, Эвридик,
все низы и верха
дополняемых с ходу
либретто.
Я не знаю, что с нею? Наверное, пара детей.
Да она и не вспомнит влюблённого горе-поэта.
Нам не нужно встречаться
в тоске социальных сетей,
потому что со временем
прошлое станет светлей,
только если исчезнут приметы источника света.

Кроме Аллаха

Гюльчатай не откроет пятый закон
термодинамики. Хватит первой квадриги.
Кукла завёрнута в продранное трико.
По гороскопу влияют Уран и Ригель.

Смерть на чужбине — единственная строка
из обещаний бабки, смотревшей звёзды.
Не остывает земля Пророка на каблуках.
После молитвы всегда кровоточат дёсны.

Слушай, служивый, не сохранить тепла,
даже женившись, даже приехав к маме.
Произнесённое шёпотом «Ля иляха иль Алла
Мухаммад Расул улла» —
всё, что тебе достаточно знать в Исламе.

Письма к Анеле

(примечания)

Милый друг, ты попросила расшифровать для тебя некоторые тёмные места в моих стихотворениях. Обилие цитат в этих заметках — дань любимым книгам и желание донести свой первоначальный восторг к тебе неискажённым (через призму моего невольного сарказма).

I. К стихотворению «28 октября 2012»

1. СНОРРИ СТУРУЛСОН (читать Снорри Стурлусон)
2. КЁННИНГ

Правильно Снорри Стурлусон (1178–1241, исландский скальд, прозаик, историограф и политик). Я переставил в его имени буквы, чтобы дать эффект заплутыкивания пьяного языка. Снорри Стурлусону как «Моцарту от мифологии» приписывается огромное количество книг. Главным его наследием является «Малая Эдда» — своеобразный путеводитель по мифологической традиции для поэтов. Сам Снорри был христианином, потому в его трактовке асы становятся обожествлёнными вождями и героями. В прологе «Младшей Эдды» кратко пересказывается библейский миф о творении и гомеровская история Троянской войны (отсюда в моём тексте аллюзия на стихотворение Осипа Эмильевича Мандельштама «Бессонница, Гомер, тугие паруса…»). По версии Снорри, Один был потомком троянцев, подобным Энею, основателю Италии. Рассказ же о собственно скандинавской мифологии в «Видениях Гюльви» подаётся от

имени вымышленных персонажей — конунгов-мудрецов Высокого, Равновысокого и Третьего. В «Языке поэзии» Снорри разъясняет языковые приёмы, принятые в традиции, и привлекает множество мифологических сюжетов для их объяснения. Особое место отведено кённингу — разновидности метафоры, характерной не только для скальдической поэзии, но также для англосаксонской и кельтской. Кённинг представляет собой описательное поэтическое выражение, состоящее как минимум из двух существительных и применяемое для замены обычного названия какого-либо предмета или персоны. Например: «сын Одина» — Тор, «вепрь волн» — корабль, «волк пчёл» (то есть Беовульф) — медведь. Кённинги могут быть составными, например «ясень бури мечей» (буря мечей — битва, ясень битвы — воин). Даже очень сложносоставными: «липа пламени земли оленей заливов» («олень заливов» — корабль, «земля кораблей» — море, «пламя моря» — золото, «липа золота» — женщина). В «Перечне размеров» даётся список скальдических стихов, выбранных как образцы того или иного размера. То, с каким трепетом Снорри говорит о чужих стихах, сформировало во мне такое отношение к поэзии, афористичное определение которого я позже заимствовал у Виктора Александровича Сосноры (род. в 1936, русский поэт, прозаик, драматург):

«Творчество — единственное занятие, где не может быть никакого соперничества. Находи свою дорогу и делай, что хочешь».

II. К стихотворениям «Около декабря» и «Белые негры»

3. ГУМБЕРТ ГУМБЕРТ
4. НРИСИМХА
5. ЛИНГАМ (+ЙОНИ)
6. КУТУЛУ (читать КТУЛХУ)
7. ИНСМАУТСКАЯ РАСА
8. ПУРУШОНОК

Пойду издалека. В выпускном классе старшая сестра моей одноклассницы, с которой мы разделяли любовь к группе «Аквариум» в целом и к Борису Борисовичу Гребенщикову (род. в 1953, русский поэт и музыкант) в частности, рекомендовала мне книгу «Плоть и кость дзен», содержащую переводы 101 коана, т.е. алогичных задач-загадок, анекдотов, афоризмов, являющихся одним из средств достижения просветления, собранных Полом Репсом (1895–1990, американский художник и поэт). И я заболел Востоком. Не настолько, чтобы изучить каллиграфию или дыхательные техники, но достаточно, чтобы читать всю встречающуюся мне японскую и китайскую классику от «Записок у изголовья» Сэй-Сёнагон (966–1017, средневековая японская писательница и придворная дама) до «Мумонкан» (Застава без ворот. Сорок восемь классических коанов дзен с комментариями Р.Х.Блайса. — СПб.: Евразия, 2000). У Сэй-Сёнагон я научился радоваться природе, говорить с деревьями, ветром, рекой. У мастеров дзен я учился «сомнениям»:

«…в китайских монастырях всё делалось на виду. Так возникло слово “коан”, которое буквально переводится как “публичное подтверждение”.

Мастер учил всех монахов, обращаясь к одному из них, и наоборот. Обучение напоминает поддразнивание. Пробуждение Великого Сомнения, сомнения в правильности в самом дзен — первое дело мастера».

И первое сомнение обратилось к тому, что есть «хорошо» и «плохо» в литературе.

«Мумон говорит, что океан может измениться и стать гречишным полем, но дзен невозможно выразить в (непоэтических) словах. Когда поэзия (и, следует добавить, присущий вселенной юмор) уходит, пришедшие ей на смену научные и философские построения не могут восполнить утраченный (поэтический) смысл».

Я решил изобрести для себя поэзию с нуля.

«Слова составляют человека, и хотя весь язык построен по принципу подражания, каждое слово, которое мы говорим, следует изобрести снова».

Поскольку «женщинам дзен присущ от рождения, когда нам, мужчинам, навязывают дзен обстоятельства», я стал говорить о поэзии исключительно с девушками.

Мои странные беседы воспринимались как флирт, на который девушки отвечали взаимностью. Что приводило не к ответам, а к более глубинным вопросам. У Мишеля Ульбека (род. в 1956, французский писатель и поэт) в «Элементарных частицах» есть пассаж:

«Одно из самых удивительных свойств плотской любви — то ощущение близости, которое она вызывает, если к желанию примешивается хоть малая толика взаимной симпатии. С первых же минут от "вы" переходишь на "ты", и кажется, будто любовница, даже встреченная только вчера, имеет право

на такую степень откровенности, до какой ты бы не дошёл ни с одним человеческим существом».

Но для стихо-письма меня интересовали не физические аспекты близости, а исключительно психологические аномалии, влечением вызываемые. У Филипа Киндреда Дика (1928–1982, американский писатель-фантаст) в нефантастическом романе «Разбитый шар» (1956) мне встретилось:

«В сексе есть что-то загадочное. Иногда я думаю, что это не инстинкт… Это то, к чему привыкаешь. Или думаешь, что должен желать. Или то, чего у тебя никогда не было, и ты пытаешься представить себе, как всё будет. В нём всегда есть что-то запрещённое. То, что скрывают… отвергают. То, чего как бы не положено иметь».

И естественно, первой книгой, которая полностью совпала с моим восприятием мира, стала «Лолита» Владимира Владимировича Набокова (1899–1977, русский и американский писатель, поэт, переводчик, литературовед и энтомолог):

«Говоря о турах и ангелах, о тайне прочных пигментов, о предсказании в сонете, о спасении в искусстве. И это — единственное бессмертие, которое мы можем с тобой разделить, моя Лолита».

Персонаж романа, от чьего лица ведётся повествование, Гумберт Гумберт (антипод Владимира Владимировича, придуманный ещё во время написания «Дара»; сам Набоков хотел уничтожить блокнот с набросками будущей книги, но жена Вера по-булгаковски спасла страницы из огня) стал для меня навязчивой идеей. А что если я с возрастом превращусь именно в него, потому что у меня были те же пляжные влюблённости

в возрасте одиннадцати-двенадцати лет? И запутавшись в текущих отношениях, я убегал в мир отношений мифических. Я сакрализировал секс, представлял каждый половой акт как соединение космических или божественных сущностей, таких, как упомянутый в «Около декабря» Нрисимха (лила-аватара Кришны, львиноголовый и четырёхрукий, к Нему обращаются, чтобы сдержаться в собственных проявлениях гнева, вожделения и насилия) или как подразумевающаяся в «Белых неграх» змееподобная Лилит.

Сольный альбом Б.Б. Гребенщикова «Лилит» (1997) я услышал много позднее его выхода, когда стал семейным человеком. Но пройдя похожие состояния, я понимал, о чём поёт Б.Г.. Сам Борис Борисович говорит о Лилит следующее:

«В принципе, кто такая Лилит? Первая женщина Адама.

Почему она нигде не упоминается? Потому, что не очень угодна людям, которые пишут и одобряют религиозные книги.

Чем она неудобна? Именно тем, что Лилит — неограниченная женская стихия вне понятий добра и зла, совершенно не сдержанная в своих проявлениях. Та самая энергия, которую очень боятся мужчины. И женщины — как только становятся матерями. Поэтому Лилит считается похитительницей детей, которая выпивает их кровь, съедает их мозг. Но ясно, что здесь уже становятся пугалки, чтобы люди не лезли в запретную зону. Тем не менее, энергия, от которой нас отлучили, про которую сказали: "Это трогать нельзя и знать не надо", — существует. Разве что теперешние молодые люди

стараются обходить эту тему стороной, потому что она мешает их восприятию себя как мачоменов (супермужиков). Ведь если что и может разбить скорлупу такого мачоменства, то это как раз дух Лилит — он гораздо сильнее и смертельнее. Лилит — женская сущность, которая равноправна и равносущна мужской, в отличие от сильно побитой молью и церковниками Евы. Эта женщина — слишком хаотическое существо, чтобы справляться с ней на её собственном поле. Поэтому европейские религии поставили на её место достаточно удобную Еву, которая всё равно оказалась верной последовательницей Лилит и быстро поладила со змеем. А Лилит, хотя её изгнали из канонических текстов, всё равно непонятно откуда нам известна. И теперь её называют демоном, а в принципе это женская сущность, в которой хаос и гармония перемешаны.

Я же всегда был открыт для этой стихии, и послушайте песни альбома — они ею пронизаны. Опасная субстанция, да? Но она даёт жизнь».

И для меня равенство мужской и женской энергий, заключённое в «Инь-Ян», прочно стало аксиомой. Я уже не мог воспринимать исключительно мужского Бога. Господь стал для меня внетелесен, не утратив при этом Личности.

В шиваизме есть понятие «шивалингам» — самовозникший продолговатый камень, не обработанный человеком, установленный вертикально на основании (плоском горизонтальном камне, называемом «йони»). В переводе с санскрита слово «Шива» — благо, добро, счастье. «Лингам» — символ, знак, мужской половой орган. Вместе: символ счастья, целебный знак, символ дружелюбия, знак блага, знак Бога.

«Йони» переводится как лоно, указывает на Мать Мироздания.

Образы лингама и йони — равнозначно присущи Высшей Истине. У Ф.К. Дика в «Трансмиграции Тимоти Арчера» (1982) я нашёл:

«Когда воскресаешь во плоти, воскресаешь в совершенной форме или же со всеми шрамами, ранами и изъянами, что были у тебя при жизни? Иисус показал Фоме свои раны. Фома засунул руку в его — Иисуса — бок. Ты знаешь, что из той раны церковь и родилась? В это католики и верят. Из раны, раны от копья, хлынула кровь и вода, пока он висел на кресте. Это влагалище, влагалище Иисуса. — Кирстен явно не шутила, она казалась серьезной и печальной. — Мистическое представление о духовном втором рождении. Иисус родил всех нас».

Не андрогинность, а внегендерность! Удобно рисовать Высшую Сущность как нечто нам родственное. Но у того же Ф.К. Дика в «ВАЛИС» я прочитал:

«Нежные голоса, хором распевающие: "Аминь, аминь", делают это для успокоения паствы, а вовсе не для умиротворения Бога.

Если осознаете это, значит, вы добрались до самой сердцевины религии. Хуже всего то, что Бог может проникнуть в паству и в конце концов стать ею. Вы молитесь Богу, а он платит тем, что овладевает вами. По-гречески это называется «энтузиазм», что переводится как "быть одержимым богом". Из всех греческих богов больше всего любил вытворять такое Дионис. И, на беду, Дионис был сумасшедшим.

Порассуждаем в обратном порядке: если вы одержимы богом, то не важно, как его зовут,— так или иначе, это безумный Дионис. Ещё он был богом ин-

токсикации, что буквально означает "принятие токсинов". Другими словами — ядов. Вот она — опасность!
Если вы уловите это, то постараетесь убежать. Но как ни бегите, он всё равно вас настигнет, ведь основой паники, ведущей к неконтролируемому бегству, является полубог Пан, а Пан — субформа Диониса. Так что, как от Диониса ни беги, всё равно тебя поймают».«Кошмар Божественного» достиг кульминации, когда я взялся перечитывать (после Мишеля Ульбека) всего Говарда Филлипса Лавкрафта (1890–1937, американский писатель, поэт и журналист). Г.Ф.Л. (как его называют поклонники) создал свою собственную мифологию, которую его друзья по переписке доработали до масштабного кодекса «Мифов Ктулху». Краеугольным божеством явился монстр, сочетающий в себе осьминога, дракона и водоплавающего ящера, имя которого представляло максимально непроизносимый набор букв, приблизительно звучащий как «Кутулу». А поскольку я продолжал интересоваться восточным искусством, и знал о расистских страхах Лавкрафта, то легко вычислил происхождение данного монстра.
У Кацусика Хокусая (1760–1849, японский художник укиё-э, иллюстратор, гравёр периода Эдо, работал под множеством псевдонимов, является одним из самых известных на Западе японских гравёров), создателя «100 видов Фудзи», среди обширного пейзажного и бытописательского творчества (воспетого питерскими «Митьками») существует подраздел, именуемый в Европе «Занавешенными картинками»,

поскольку для самой Японии ничего занавешенного в данном жанре нет. Соитие между девушкой и осьминогом – традиционный сюжет гравюры для спальни. По гравюре Хокусая идёт сопровождающий текст, который в интернет-сообществе "Old Erotic Art" перевели как раз в духе языка «Мифов Ктулху»: «*Зуу, Зуу, Зуу, Зуу, Хич-Хич, Гуча-Гуча, дзюцу, Чу, чу, Чу, чу, ГУУ, ГУУ, Зуу, Зуу...*».

В современной Японии осьминог — устоявшийся эротический символ. Предложение отобедать осьминогом — предложение человеку совершить соитие с подателем сего блюда. То, как ты съедаешь этого зверя, означает твой ответ: берёшь палочками — да, разрываешь руками — нет. Отказаться от блюда или сказать что-либо вслух в такой ситуации — страшнейшее оскорбление, недостойное культурного человека. Изначально же изображение осьминога пришло из жанра изображения девушек-ныряльщиц за жемчугом и прочими «дарами моря» (в русском искусстве обнажённое тело также часто подаётся как образ купальщицы, например, у Зинаиды Серебряковой). Так вот, гибель ныряльщиц связывалась с тем, что их себе забирал бог-осьминог. Но изображения подводной борьбы девушек с нападающими осьминогами плавно перетекли в то, что иногда называют «Сон жены рыбака».

Г.Ф.Л. как «белая кость» Новой Англии был человеком крайне нетолерантным и неполиткорректным. На раннем этапе творчества он даже симпатизировал идеям Адольфа Гитлера, пока не встретил единственную любовь своей жиз-

ни, по присущему вселенной юмору, давидовых кровей. При этом его нелюбовь к Востоку не исчезла, а приняла новую форму. Из чистого отрицания и превращения в своих рассказах всех «понаехавших» в Америку «грязнокровок» в антропоморфных и не очень антропоморфных монстров, он перешёл к фантазиям о более близких контактах людей (уже не только саксонцев, но людей как таковых) с чужаками из потусторонних миров. Предполагаю, что именно жанр «Tentacle erotica», активно присутствующий в иммигрантских кварталах, в которых Лавкрафту приходилось достаточно часто бывать по журналистской работе, повлиял на появление «подводного народа», породнившегося с жителями выдуманного им города Инсмаута.

Мелодрамы, любовной страсти, романтики у Г.Ф.Л. в книгах не встретить, но дети рождаются, некие чувства между полами просверкивают… Однако сексуальное у Лавкрафта всегда связано с влагой, темнотой, холодом, немотой, оторопью… То воодушевление, которое испытывают его герои, прикасаясь к Тайне, явно сексуального характера, герои именно «отдаются» вторжению в их размеренную жизнь Неведомого.

Секс и смерть (близость к гибели) для Г.Ф.Л.— синонимы. Они — путь к Неведомому. И Неведомое лежит за границами человеческой логики, а значит, традиционных нравственности и морали. Разум для Лавкрафта бессмертен, он внетелесен, тело же — только временное ненадёжное и несовершенное пристанище, смущающее

разум, мешающее ясному постижению мира, сковывающее широту взглядов. Разум вполне способен сменить оболочку на техническое вместилище или обменяться телами с существами, живущими вне границ доступных нам времён и пространств. Подобный разум способен беспристрастно наблюдать как гибель мира вокруг него, так и гибель своего прежнего тела. Более того — восхищаться красотой этой гибели:

«Вещи, созерцаемые внутренним зрением, подобно тем мимолётным сценам, являющимся в тот момент, когда мы проваливаемся в пустоту сна, на самом деле более значимы и ярки для нас, нежели те, что наблюдаются нами в реальности. Возьмите с собой в сон кисть, и сновидения насытятся цветами. Чернила, которыми мы пишем, кажутся слишком реалистичным средством, чтобы выразить наши невероятные воспоминания. Это как если бы наша внутренняя сущность вырвалась из пут повседневности и объективности и стала упиваться освобождёнными эмоциями, которые стремительно угасают, когда мы пытаемся передать их. В грёзах и сновидениях таятся величайшие творения человечества, поскольку они не связаны реальными законами черт и цветов. Забытые пейзажи, миры, более смутные, нежели золотые времена детства, проникают в спящее сознание, чтобы царствовать до тех пор, пока пробуждение не рассеет их. В них мы можем добиваться желанной славы и удовлетворённости; мы можем каким-то образом соприкоснуться с яркой, ранее невиданной красотой, что будет равносильно Граалю для сакрального духа средневекового мира. Чтобы придать форму этим вещам посредством искусства, чтобы отыскать

какой-нибудь призрачный трофей в этом неосязаемом царстве теней и эфира, нужны в равной степени талант и память. Поэтому, несмотря на то, что сны присущи всем нам, лишь некоторые руки могут ухватить их, словно крылья мотылька, и не повредить» (Г.Ф.Л. «Ужас в музее»).

Для многих моих собеседников Ктулху — смешной мем, который «схавает мосх» всем интернет-пользователям, когда проснётся. Для меня видения «Отшельника из Провиденса» — вещи онтологического порядка, потому я заменил расхожую (ироническую) форму звучания имени на первоначальную. Через Лавкрафта я пришёл к пониманию Секса, Смерти и Сна как неразрывной триады. Эти вещи естественны и сакральны в равной мере. Это высшие моменты беззащитности и при этом самые мощные пути получения нового знания.

Моё пожирание мифов мне самому кажется неумеренным. Жена говорит: *«Люди учатся, чтобы понимать, чему они должны служить. Ты же учишься, чтобы находить новые способы наслаждения. Пуруша (тот, кто наслаждается — санскр.) — это титул Бога, а ты — пурушонок».*

Упоённый сомнениями.

III. К стихотворениям «Ангел (летний)» и «Тому Бомбадилу»

9. ГИЛБЕРТ ЧЕСТЕРТОН

10. ТОМ БОМБАДИЛ

У Марио Корти (род. в 1945, итальянский прозаик, переводчик, радиожурналист) в книге «Дрейф» (М.: Вагриус, 2002), написанной иностранцем на русском языке, чтобы выучить наш язык, я

прочитал несколько вещей, которые позволили мне, словно рыбе, выпрыгнувшей из океана, выйти из собственных представлений о культуре и прочувствовать чужие:

«В христианстве есть очень тревожный аспект. Оно может быть легко использовано нехристианами или псевдохристианами, чтобы лучше обмануть христиан и подчинить их себе. У людей, любящих теории заговора, может возникнуть впечатление, будто христианская доктрина и задумана специально как инструмент правления — обращать людей в веру, с тем чтобы впоследствии превратить их в рабов или в покорное стадо. "Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет Власти не от Бога" (Рим. XIII, 1), "не воздавайте злом за зло" (1 Пет. III, 9), "наставлять противников" (2 Тим. II, 25), "повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны" (Евр. XIII, 17), "ударившему тебя по щеке подставь и другую" (Лк. VI, 29). Какое мощное оружие в руках Сатаны!

Губительно следовать по пути чистой добродетели — недобросовестные люди могут этим воспользоваться. Нужна способность действовать со свирепостью льва и хитростью лисы. Церковь, христианские государи этому научились, а христианам советуют путь добродетели».

Какие бы сомнения я ни испытывал, для меня культура, в которой я воспитывался, была насквозь христианской. И моё представление о вере совпадало с позицией Мирчи Элиаде (1907–1986, румынский писатель, историк религий и исследователь мифологии):

«Причин триумфа христианского учения много, и они разнообразны. Прежде всего это непоколеби-

мая вера и моральная сила христиан, их твёрдость перед лицом пыток и смерти — твёрдость, которой восхищались даже их злейшие враги: Лукиан из Самосаты, Марк Аврелий, Гальен, Цельс. Кроме того: христиане были крайне сплочённой общиной: они брали на своё попечение вдов, сирот, стариков и выкупали пленников у пиратов. Во время эпидемий и осад только христиане ухаживали за ранеными и хоронили мёртвых. Всем многочисленным неприкаянным, тем, кто страдал от одиночества и отчуждённости, социальной или культурной, Церковь единственная давала надежду обрести себя, найти — или вернуть утраченный — смысл жизни. Так как не существовало ни социальных, ни расовых, ни интеллектуальных барьеров, любой мог войти в это парадоксальное общество с оптимистическим мировоззрением. Весьма вероятно, что никогда прежде и никогда впоследствии в истории не существовало объединения людей, где царили бы такие равенство, милосердие и братская любовь, как в христианских общинах первых четырёх веков новой эры».

Христианству я учился не по «Исповеди» Иоанна Златоуста, а по циклу детективных рассказов Гилберта Кийта Честертона (1874–1936, английский христианский мыслитель, журналист и писатель, рыцарь-командор со звездой ватиканского ордена Святого Григория Великого) об отце Брауне. Сюжет проскальзывал мимо, а кусочки проповедей по ходу расследования сложилась в весьма прочную картину мира. Потому, когда я взялся за романы Ф.К. Дика, то не столько открывал новое, сколько радовался известному. Так в «Господе Гнева»:

«Христианский Бог — большая физическая работа: всё равно, что кирпичи таскать.— Христианский Бог — это Бог постоянства, Бог неизменный. "Я есмь Сущий", — сказал Господь Моисею, согласно Библии. Ты есть "я — это я". Он ни во что не превращается, не скрывает своего существа. Это и есть наш Господь...»

В романе Г.К. Честертона «Наполеон из Ноттингхилла» (1904) совершенно обычные люди ради спасения своих традиций от вмешательства прогресса внезапно разыгрывают на своей земле классическую «Небесную битву Добра и Зла». Трилогию «Властелин колец» Джона Руэла Рональда Толкина (1892–1973, английский писатель, поэт, филолог, профессор Оксфордского университета) я прочитал раньше, даже успел поучаствовать в карнавальных играх по мотивам его произведений, но открыв роман Честертона, я увидел источник света много большей силы. Этот яркий свет давал жар сердца самого Г.К. Честертона, поскольку начало истории «Небесной битвы» лежит задолго до рассеяния индоевропейских племён; исследователи мировых религий давно обнаружили параллели между скандинавскими мифами о Рагнарёке и древнеиндийской «Махабхаратой», сопоставив фигуры великана Локи и демона Дурьодханы. Участвуя в играх по Дж.Р.Р. Толкину, я представлял, что разыгрываемая на полигоне постановка — отражение событий небесных. Потому я старался не примерять роли, а принимать сказочную среду и оставаться в ней самим собой, стоящим на стороне Света. А когда игры вышли за границы книг Профессора и

вторглись в Мировую историю, то мистичность таких массовых спектаклей стала совершенно очевидна. Люди, бравшие на себя роль ангелов, менялись даже внешне и, выйдя из роли, испытывали физическое недомогание. Опять же у Ф.К. Дика в «Мастер всея Галактики»:

«Человек — это душевнобольной ангел,— думал Джо Фернайт,— когда-то они — все до единого — были настоящими ангелами, и в те времена у них был выбор, выбор между добром и злом. Легко было быть ангелом в те времена, а потом что-то пошло не так. И они оказались перед необходимостью выбирать меньшее из двух зол. Они сошли с ума и превратились в людей».

Самым любимым персонажем мира Дж.Р.Р. Толкина для меня стал Том Бомбадил, вычеркнутый из кинопостановок. Он не вписывался в западные клише. А Дж.Р.Р. Толкин, черпая материал в кельтской традиции, не мог обойти фигуру Хозяина Леса. Том странен, буен, непредсказуем. Но это и нормально. Том — аллегория природы, а природа с человеком не советуется, какой ей быть. У Ф.К. Дика в «Господе Гнева»:

«Искони всё подлинно неповторимое гибнет. Природа работает с огромным запасом: производит уйму одинаковых тварей одного вида. Неповторимое — это серьёзный промах, ошибка природы. Для выживания нужны сотни, тысячи, а то и миллионы одинаковых существ, которые несут одинаковые внутренние и внешние признаки: даже если из миллионов выживет одно, способное дать потомство, — природа одержит победу. Природа — расточительный полководец, который побеждает только потому, что не жалеет солдат. А я — я

единственный и неповторимый и потому обречён на уничтожение. Всякий человек — единственный и неповторимый, а потому обречён исчезновению».
Поэзия — очень возможно, одна из идей, которая противостоит «исчезновению». Поэзия вечно не вписывается в общепринятое, но продолжает существовать. И сознание поэта обретает бессмертие.

IV. К стихотворению «потому что пока не утратишь души...»

11. КРЕСТРАЖ

Термин сочинила Джоан Роулинг (род. в 1965, британская писательница, известная серией романов о мальчике-волшебнике). Недавно прочёл, что в Америке, где книги о Гарри Поттере — самые запрещаемые из-за «пропаганды оккультизма, язычества и отрицания христианских ценностей», бренд «Гарри Поттер» оценивается в 15 миллиардов долларов и совокупно семь романов уверенно держат второе место по продажам после Библии.
Крестраж (англ. horcrux) — магический объект (иногда субъект), в который Тёмный маг заключает часть своей души, чтобы после смерти тела использовать сохранённую часть души и возродиться (противопоставить себя законам Природы). Ради разрыва своей души маг должен совершить убийство, поскольку оно является самым тяжёлым из преступлений. Создание одного крестража даёт возможность воскресить себя один раз; создание множества крестражей приближает к истинному бессмертию. В книгах для подростков не говорится, что за сложный

ритуал предшествует убийству (если бы его не было, то почти бы все чернокнижники ходили с разорванными душами). Очень вероятно, что этот ритуал построен на страстном вожделении, прежде всего сексуальном. Именно потому, как правило, Тёмный маг делит свою душу пополам только один раз, убивая объект своей единственной любви.

В мире найдётся крайне мало вещей и веществ, которые способны разрушить крестраж. Крестраж может вести определённую квази-жизнь, подчиняя себе души людей, находящиеся в непосредственной близости от него. При этом имеется в виду не столько близость физическая, сколько эмоциональная. Цель подчинения в первую очередь — выживание крестража и защита доверенной ему части души.

Когда я читал роман «Гарри Поттер и Дары смерти» вслух своей жене, мне подумалось, что крестраж — очень хороший образ для описания гордыни поэта: «Нет, весь я не умру...». И талант (мера веса, название монеты) поэта представился мне «тессерой».

Этот термин я встретил в книге «Страх влияния» Харольда Блума (род. в 1930, американский историк и теоретик культуры), а значение нашёл в «Воспоминаниях, сновидениях, размышлениях» (М.: «Издательство АСТ-ЛТД», 1998) Карла Гюстава Юнга (1875–1961, швейцарский психиатр, основоположник аналитической психологии):

«Одно из значений символа «tessera hospitalitatis» (знак гостеприимства — лат.) — разрубленная монета, две половинки которой, по античному

обычаю, поделены между друзьями, которым предстоит разлучиться».

В «Путях к раю. Комментарии к потерянной рукописи» (СПб.: «Азбука», 1999) Петера Корнеля (род. в 1942 году, шведский прозаик и искусствовед, один из пионеров т.н. интерактивной литературы, разрабатывающей технику нелинейного письма и оперирующей с большими массивами сносок и комментариев) я прочёл:

«... об этимологии символа. Греческий глагол "simballein" означал приблизительно "бросать вместе", "соединять". Происшедшим от этого слова "simbolon" в древней Греции называли опознавательный знак, который получался, когда монету или кусок кости разламывали, с тем чтобы, например, гонец и тот, к кому его послали, в дальнейшем могли опознать друг друга. Каждому из них давали половинку монеты или кости, которые должны были подойти друг к другу, как две части головоломки. В переносном смысле символ означал также отсутствующую, невидимую часть (ср. выражение Фомы Аквинского — "телесные метафоры духовного")».

В «Пире» Платона (427–347 до н. э., древнегреческий философ, ученик Сократа, учитель Аристотеля) я нашёл, что когда-то существовал род шарообразных андрогинов, которые мало-помалу стали такими могучими, что сделались угрозой для богов. Тогда Зевсу пришла мысль разделить их всех на две половинки, женскую и мужскую. Говоря об этих половинках, Платон также пользуется понятием "symbola": *«когда их тела разделились надвое, половинки стали тосковать друг о друге и стремились встретиться»*. Таким образом, каждая половинка искала вторую, отсутствующую.

Подумалось, что каждое моё стихотворение может являться только «половинкой монеты», живущей самостоятельно, посредством которой кусочек моей души встретит эмоционально близкого мне читателя. А встретившись, независимо от меня они обретут свою собственную целостность. И то, что предшествовало появлению стихотворения — совершенно не важно. Единственно, что появился привкус, на который в своей автобиографии «Джозеф Антон» указал Салман Рушди (род. в 1947, британский писатель, лауреат Букеровской премии в 1981 году), цитируя слова Уильяма Блэйка (1757–1827, английский поэт и художник, мистик) о Джоне Мильтоне (1608–1674, английский поэт, политический деятель и мыслитель): *«...истинный поэт принадлежит к партии Дьявола»*.

Индульгенцию на дальнейшее письмо мне выдал Дмитрий Юрьевич Соколов (род. в 1970, один из основателей сказкотерапии) в книге «Лоскутное одеяло, или Психотерапия в стиле дзен» (М.: Независимая фирма «Класс», 1999):

«Душа свободна. Ей нужно только одно: быть, и это её единственное качество, и его невозможно у неё отнять. Она живёт не во времени, она существует в вечности, и если это перевести на язык ограниченности и времени, то ей нефиг делать целую вечность. Как соглашается она играть во все эти игры? Она легкокрыла и ветрена, ей чудно, светло, радостно. Её не то чтобы втягивают — она может себе это позволить, войти в любой мрак и чушь, сойти в ад одномерности и зажатости, потому что это на время — на миг. Её не так легко погубить, может быть, вообще невозможно».

С этого момента каждое хорошее стихотворение стало для меня «символом» обретения души, а не утраты.

V. К стихотворениям «Пермская миссия» и «Маленькая ночная канонада»

12. АЛЬБИНОНИ
13. ДЖАДЗОТТО
14. ХИЛЬДЕГАРДА
15. ГВИДО ДЕ АРЕЦЦО
16. ПАПАГЕНО

Артур Конан Дойл (1859–1930, английский писатель, создатель классических персонажей детективной, научно-фантастической и историко-приключенческой литературы — гениального сыщика Шерлока Холмса, эксцентричного профессора Челленджера, бравого кавалерийского офицера Жерара) в первой повести о Шерлоке Холмсе «Этюд в багровых тонах» вкладывает в уста своего персонажа собственную сентенцию:

«Помните ли вы, что Дарвин говорит о музыке? Он утверждает, что способность создавать и слушать музыку родилась в человеческом мозгу задолго до того, как начала формироваться речь. Именно потому музыка так сильно на нас действует. В наших душах живут смутные воспоминания о далёких веках, когда мир был совсем юным».

В «Сильмариллионе» — своеобразной «Книге Бытия» Дж.Р.Р. Толкина — создание материального мира происходит посредством гармоничного сочетания звуков, производимых Первичными Божественными Лич-

ностями. Я искренне верю, что проявление сакрального в нашем мире чаще всего происходит через музыку, существующую не по воле композитора, а диктующую себя ему или создающую условия для своего появления. И история возникновения «Адажио соль-минор» — ярчайший пример.

Томазо Джованни Альбинони (1671–1751, венецианский композитор и скрипач эпохи барокко) при жизни был известен как автор опер, но сейчас пользуется популярностью исключительно его инструментальная музыка. Самое знаменитое произведение Т.Дж. Альбинони — «Адажио соль-минор» было опубликовано в 1958 году первым биографом композитора профессором Ремо Джадзотто, утверждавшим, что он реконструировал его на основе крохотного фрагмента, найденного им в 1945 году на развалинах разрушенной при налётах союзной авиации в конце Второй мировой войны Саксонской земельной библиотеки в Дрездене. Эта музыка исполняется во время траурных церемоний и столь же популярна, как «Траурный марш» Шопена и «Смерть Озе» Грига, используется в кинематографе, телепрограммах, рекламе, в анимации, сыграла значительную роль в формировании неоклассического металла. Современные специалисты полагают, что это произведение не имеет к Альбинони никакого отношения и полностью сочинено Рено Джадзотто.

До некоторых пор считалось: вся музыка принадлежит Богу. Первым композитором, заявившим об авторских правах, стала женщина. Звали

её Хильдегарда Бингенская (1098–1179, немецкая монахиня, настоятельница монастыря в долине Рейна, автор мистических трудов, религиозных песнопений и музыки к ним, а также трудов по естествознанию и медицине, удостоена титула Учитель Церкви в октябре 2012 года). Хильдегарде являлись видения Высших Сфер, которые было трудно передать словами во всей полноте, потому она воспользовалась нотами, создав 26 музыкальных описаний. Самое знаменитое её произведение называется «Пушинка, носимая дыханием Господа».

Собственно, только благодаря возможности записывать музыку на бумаге, и появилась возможность и сохранения имени композитора. Нотную запись придумал Гвидо д'Ареццо (ок. 990 – ок. 1050, итальянский теоретик музыки), с небольшими поправками она и сейчас соответствует его задумке. Последовательность же «до (первоначально ут)-ре-ми-фа-соль-ля-си» в дидактических целях Гвидо вывел на основе акростиха молитвы к Иоанну Крестителю:

***UT** queant laxis*
***RE**sonare fibris*
***MI**ra gestorum*
***FA**muli tuorum*
***SOL**ve polluti*
***LA**bii reatum*
*Sancte **I**oannes*

Упомянутый в стихотворении Папагено — персонаж оперы «Волшебная флейта» Вольфганга Амадея Моцарта, счастливый дурачок,

обладающий волшебными колокольчиками, под переливы которых все окружающие начинали танцевать. Не столько трикстер, сколько аллегория чистой радости музицирования.

VI. К стихотворению «Помните, у Каспара Давида Фридриха…»

17. КАСПАР ДАВИД ФРИДРИХ

О Каспаре Давиде Фридрихе (1774–1840, немецкий художник, один из крупнейших представителей романтического направления в живописи Германии) я узнал из парного стихотворения Владимира Исааковича Ланцберга (1948–2005, российский бард, писатель, поэт, педагог) «Уважаемый господин философ…/ Мой милый Каспар Давид Фридрих…», представлявшего посмертный диалог художника и Иммануила Канта (1724–1804, немецкий философ). Этот сочинённый диалог в концерте авторской песни произвёл на меня такое впечатление, что я немедленно ринулся искать репродукции с полотен. Я много прочёл о символике в творчестве К.Д. Фридриха, но остался при мнении Оскара Уайльда: «Красота есть высшее откровение потому, что она ничего не выражает». Живопись К.Д. Фридриха — это остановленная музыка, которая продолжает звучать в голове зрителя. Однажды, медитируя на один из пейзажей К.Д. Фридриха, понял, что ему удалось не просто выйти за границы своего времени, уловив неизменность мира с точки зрения человека, а нарисовать (проявлением в нашем мире) Бога.

VII. К стихотворению «Зал курилок в чайной...»

18. ПОЛЛОК
19. ПРУСТ
20. ИЛЬЯЗД
21. ПИРОСМАНИ

Начну с последнего имени. Нико Пиросмани (1862–1918, известный грузинский художник XX века, самоучка, представитель примитивизма) сопутствовал мне с самого детства. В мамином журнале я увидел репродукцию его «Возвращения оленя», аккуратно вырезал и повесил над кроватью, даже в пионерлагерь её с собой взял. Сопалатники примитивизма начала XX века не оценили, картинка была разорвана, а ко мне приклеилась кличка «Бэмби». Вернувшись в город, я купил набор марок, посвящённый Н. Пиросмани, и теперь уже долго носил с собой меленький незаметный квадратик с зубчатым краем.

Славу художнику принёс культуртрегер Илья Михайлович Зданевич (псевд. Ильязд, 1894–1975, русский и французский писатель, теоретик русского авангарда и дада, издатель, художник). О Поллоке и Прусте мне рассказать нечего: художника не изучал, писателя не прочёл, только использовал обыгрывание их имён в клишированной фразе о восприятии мира пессимистами и оптимистами: «Стакан наполовину пуст — стакан наполовину полон».

VIII. К стихотворению «Три письма»

22. КАТУЛЛ

Гай Валерий Катулл (ок. 87 до н.э. — ок. 54 до н.э., один из наиболее известных поэтов древнего Рима и главный представитель римской поэзии в эпоху Цицерона и Цезаря) попытался привить своим согражданам иностранные (греческие) литературные традиции, которые ему были более милы, чем имевшиеся в Отчизне (или, на его взгляд, отсутствующие). Катулл (третье имя у римлян использовалось как прозвище, здесь «Находящийся в вечной течке») принадлежал к литературному сообществу, был относительно известен, но денег слава ему не принесла. Существует миф, что стихи его сохранились благодаря чрезмерно любопытному средневековому монаху, который заинтересовался, «что это написано на куске пергамента, которым заткнули кувшин с вином?» Традиционно Г.В. Катулла рассматривают как лирика (благодаря самому известному двустишию о любви). Русских переводов существует много, для себя перевожу:

Люблю и ненавижу... Невозможно
Блаженствую, распятый на кресте?

Однако для современников поэт выступал как авторитетная личность; философ Апулей приводит стихи Катулла, оправдывая себя на суде. Христианские поэты и критики бережно проносят имя Катулла над Средними веками, потому что в приведённом двустишии до рождения Иисуса Христа упоминается вознесение на Небо через распятие (то есть поэт автоматически попадает в пророки); первые слова двустишия «Odi et amo» цитирует Святой Иоанн.

IX. К стихотворению «Garota de Ipanema»

23. АНТОНИУ КАРЛОС ЖОБИМ

24. ВИНИСИУШ ДЕ МОРАИШ

25 ЭЛОИЗА ПИНЕЙРУ

«Высокая, молодая и хорошенькая, идет девушка из Ипанемы… Как объясниться в любви ей?.. Проходит мимо». Примерно об этом поется в песне «Девушка из Ипанемы» ("The Girl from Ipanema"), которая по количеству официальных каверов является второй по популярности песней всех времен, уступая лишь битловской «Yesterday». Девушка, которой посвящена песня, действительно жила в Ипанеме, районе в южной части города Рио-де-Жанейро, и именно она вдохновила Винисиуша де Мораиша (1913–1980, бразильский поэт и автор-исполнитель, драматург, дипломат) и Антониу Карлоса Жобима (1927–1994, бразильский композитор, аранжировщик, певец, поэт, пианист и гитарист, сочетавший в своём творчестве элементы джаза и традиционной бразильской музыки). Когда песня стала знаменита, многие девушки Рио-де-Жанейро претендовали на созданный образ, но композитор Антониу Карлос Жобим сам указал на Элоизу. Есть легенда, что песня была написана в баре, где сидели авторы, в то время как Элоиза, прекрасная, с удивительными зелеными глазами, загорелая и равнодушная к мужским взглядам, прошла мимо. Таким и был ее вклад в историю музыки — пройти мимо, не обратив внимания на восхищенные взгляды, тем самым запустив мощнейший творческий процесс двух талантливых мужчин. Муза.

X. К стихотворению «Юношей жаждал Милен Фармер…»

26. МИЛЕН ФАРМЕР
27. БЬЁРК
28. ФРЁКЕН СНОРК, ТУВЕ ЯНССОН
29. ФЛОРИЯ, БРУНГЛЬДА, ЭВРИДИКА

Я долгое время считал Милен Фармер (род. в 1961, настоящая фамилия — Готье, французская певица, актриса и поэтесса, одна из самых известных современных французских исполнительниц популярной музыки) идеалом женщины. Сейчас мне нравится Бьорк (Бьёрк) Гвюдмюндсдоуттир (род. в 1965, исландская певица, актриса, музыкант, композитор и автор песен). Во всём остальном стихотворение также автобиографично. Моя «муза» узнала про существование посвящения и моей влюблённости в неё летом 1996 года только в 2013 году. Умилилась.

Персонаж книг Туве Янсон (1914–2001, финская писательница, художница, иллюстратор, обрела всемирную известность благодаря своим книгам о муми-троллях) Фрёкен Снорк страшно комплексовала из-за своей внешности, несмотря на любовь и заботу близких, мечтая походить на изображения девушек в журналах мод. Моя «Фрёкен Снорк» хотела петь, и я был её зрителем и слушателем, отождествляя в своёй фантазии её со знаменитыми оперными дивами, исполнявшими партии то итальянки Флории из «Тоски» Джакомо Пуччини, то полубогини Брунгильды из «Валькирии» Рихарда Вагнера, то гречанки Эвридики из «Орфея и Эвридики» Кристофа Виллибальда Глюка.

XI. К стихотворению «Кроме Аллаха»

30. ЛЯ ИЛЯХА ИЛЬ АЛЛА МУХАММАД РАСУЛ УЛЛА

В стихотворении озвучен исламский символ веры *«Нет Бога кроме Аллаха, и Мухаммед — пророк Его»*. Символ веры — система основополагающих догматов, максимальная концентрация знания о Боге. У преданных в Международном обществе сознания Кришны любовь к Господу сконцентрирована в махамантре:

«Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе, Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе».

У православных Апостольский Символ Веры обрёл красивую легенду, напоминающую сцену из Евангелия от Иоанна 20:29:

«Когда апостолы были готовы разделиться и разойтись, они почувствовали необходимость договориться о содержании сообщения, которое они будут проповедовать. Пётр сказал "Верую в Бога Отца всемогущего... творца неба и земли" ...Андрей сказал "И в Иисуса Христа Его Сына... Господа нашего" ... Иаков сказал "Который был зачат Святым Духом... рождён Девой Марией" ...Иоанн сказал "Страдал при Понтии Пилате... был распят, умер и погребён" ... Фома сказал "Сошёл в ад... в третий день воскрес из мёртвых" ...Иаков сказал "Восшёл на небеса... восседает одесную Бога Отца Всемогущего" ...Филипп сказал "Оттуда придёт судить живых и мертвых" ... Варфоломей сказал "Верую в Святого Духа" ...Матфей сказал "Святую Вселенскую Церковь... общение святых" ...Симон сказал "Прощение грехов" ...Фаддей сказал "Воскресение тела" ...Матфей сказал "Жизнь вечную".».

Вот и все истории, Анеле. Если я чего-то тебе недорассказал — сочини сама.

THE
BEA
TLES

Люди и ангелы

по мере упоминания в книге

1. **Людмила Ивкина** — мама. Живёт в Екатеринбурге.

2. **Татьяна Климкина (Т.К.)** — жена. Играет на саксофоне и флейте, работает в детском театре, практикует Бхакти-йогу, ученица Е.С. Шрилы Вигьяны Госвами Махараджа. Живёт в Екатеринбурге.

3. **Александр Петрушкин (Саша)** — названный брат, поэт, культуртрегер, автор несчётного количества книг и победитель множества литературных фестивалей, куратор журнального интернет-портала «Мегалит». Живёт в Кыштыме (Челябинская область).

я подожду тебя
молчанием
у входа.

4. **Андрей Мансветов** — друг, поэт, прозаик, музыкант. Грань между его действительной биографией и легендами о нём давным-давно утрачена. Живёт в Перми.

Чебурашка однажды умрёт.
Нет... Наверное, нет.
Просто уедет домой,
в пустом апельсиновом ящике,
на тот свет.

5. **Алексей Сверчков** — поэт. Живёт в Екатеринбурге.

Все это булькает, живет
И сексом занимается.

6. **Никита Демидов** — одноклассник по гимназии №9, дизайнер и путешественник. Живёт в Екатеринбурге.

7. **Елена Оболикшта** — поэт, музыкант, лауреат многих фестивалей, педагог, персона семинара «Капитан ЛебядкинЪ», ученица Андрея Санникова. Живёт в Челябинске.

мы по кругу речем
бестелесно почти навзрыд

8. **Аркадий Застырец** — поэт, эссеист, драматург, педагог, член СПР. Живёт в Екатеринбурге.

Вспыхнет от искорки
облако угольной пыли,
Стопора анкер откинется —
надо же! — тут же,
Восемь шагов
совершат сорок три шестерёнки...

9. **Александр Павлов** — поэт, служил в авиации, военный переводчик, культуртрегер. Живёт в Армавире (Краснодарский край).

дождь не знает по ком ещё этот гром
почва впитывает капли счастья
да и ветер на градусе сорок втором
замер чтобы все могли повстречаться

10. **Мария Сергеева (М.С.)** — друг, музыкант, журналист. Живёт в Израиле.

11. **Елена Баянгулова** — друг, поэт, персона «Нижнетагильской поэтической школы» («Нижнетагильского ренессанса», по словам Виталия Кальпиди), ученица Евгения Туренко. Живёт в Екатеринбурге.

Адам мой муж
ты одинок и забыт всеми кроме меня
помни кроме меня

12. **Рустам Паймурзин (отец Роман)** — друг, музыкант, культуртрегер, художественный руководитель продюсерского центра «А-Либитум». Живёт в Перми.

13. **Мария Истомина** — друг, музыкант, играла на виолончели в дуэте с Рустамом Паймурзиным (электроорган). Живёт в Перми.

14. **Светлана Домрачева** — друг, менеджер по культуре, культуртрегер, основатель продюсерского центра «А-Либитум». Живёт в Перми.

15. **Андрей Сальников** — друг, поэт, журналист, персона семинара «Капитан ЛебядкинЪ», ученик Андрея Санникова. Живёт в Екатеринбурге.

мы смертную чашу по кругу
меняется только круг
а птицы всё тянут к югу
а где он заветный юг

16. **Евгений Туренко** — поэт, прозаик, культуртрегер, педагог, основатель «Нижнетагильской поэтической школы», член СПР. Умер в Венёве (Московская область).

Лишь у стареньких детей,
круглых, как Басё,
не бывает мелочей,
а бывает всё.

17. **Владимир Ланцберг** — поэт, музыкант, педагог. Умер в Германии.

На пустом ипподроме от первой пороши
До Пасхи со свежей травой
Пожилая и гордая грустная лошадь
Зубрит свой овал беговой.

18. **Станислав Ливинский** — поэт, совместно выступали в Перми. Живёт в Ставрополе (Северный Кавказ).

Лучше уж ты напиши,
как полусогнутый едешь в маршрутке —
по чесноку, от души.

19. **Ирина Черноскутова** (Ирк, Ирская) — друг, персонаж стихотворений Инны Домрачевой. Живёт в Екатеринбурге.

20. **Надежда Пичугина** (Надин) — друг, музыкант, массажист. Живёт в Екатеринбурге.

21. **Андрей Головотенко** (Ратмир Каренин) — друг, мыслитель. Живёт в Санкт-Петербурге.

22. **Павел Ложкин** — друг, архитектор, музыкант, основатель издательства «ИгнЫпс» (вместе с Олегом Бухаровым) и «Клуба одиноких мозгов Франсуа Дюпона». Живёт в Екатеринбурге.

23. **Вадим Балабан** — названный брат, поэт, музыкант. Живёт в Троицке.

а праздник кипит забегает в парад
вокруг алконавты как свежий планктон
так сумеркам всыплют салют — на салат

24. **Андрей Санников** — учитель, поэт, журналист, лауреат множества премий, член СПР, основатель семинара «Капитан ЛебядкинЪ». Живёт в Екатеринбурге.

Страна вокруг — как шиферная кровля
панельной молодой пятиэтажки,
стоит Урал и курит наверху.
Сейчас к нему поднимется Алина —
татарка из четвёртого подъезда —
«Какая красота! Ты не замёрз?»

25. **Алексей Решетов** — поэт, член СПР. Умер в Екатерибурге. На его родине в Березниках ему поставлен памятник.

В лесу озябла клюквинка.
Меж кочек лёд блестит,
И пар идёт из клювика,
Когда снегирь свистит.

26. **Александр Белянин** — друг, культуртрегер, основатель арт-портала «Гений места». Живёт в Екатеринбурге.

27. **Иван Клиновой** — поэт, культуртрегер, лауреат множества премий. Живёт в Красноярске.

И даже если теория струн верна,
Струн до хрена и пи не равно четыре...

28. **Елена Мастевная** (Анеле) — виртуальный собеседник, библиотекарь, возможно, ангел. Живёт в Ачинске (Красноярский край).

Отдельная благодарность:

Михаилу Богуславскому
Александру Бормотову
Елене Бушуевой
Роману Вагизову
Ульяне Вериной
Алине Волковой
Янису Грантсу
Инне Домрачевой
Александру Елеукову
Юлии Елиной
Людмиле Жабиной
Евгении Изваринoй
Алексею Ильиных
Виталию Кальпиди
Руслану Комадею
Марине Лихомановой
Петру Мащенко
Юлии Подлубновой
Александру Самойлову
Екатерине Симоновой
Евгению Степанову
Виталине Тхоржевской
Андрею Якубовскому

и многим другим, кто вовремя подставил плечо или крыло.

Литературно-художественное издание

Сергей Ивкин

Символы счастья

Редактор	Е. Степанов
Технический редактор	М. Кива
Корректор	М. Лихоманова
Макет и верстка	А. Якубовский

Гарнитура Merriweather. Тираж 500 экз.
Сдано в набор 11.11.2014. Подписано в печать 27.12.2014

Издательство «Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978 62 75

Типография ИПК «Квадрат»
Белгородская обл., г. Старый Оскол
Комсомольский проспект, 73.